
Валерий Тарасов
ХОЖДЕНИЕ ЗА ДЕВЯТЬ РЕК

Из книг
Осипова А. Н.

Валерий Тарасов

ХОЖДЕНИЕ ЗА ДЕВЯТЬ РЕК

Западно-
Сибирское
книжное
издательство
Новосибирск
1971

Из книг
Осипова А. Н.

Валерий Тарасов

ХОЖДЕНИЕ ЗА ДЕВЯТЬ РЕК

Западно-
Сибирское
книжное
издательство
Новосибирск
1971

В глухой тайге и болотах стоят величественные памятники мужеству и умельству сибирских мастеровых — деревянные стены шлюзов Обь-Енисейского канала.

Много испытаний ожидает путешественника, рискнувшего пройти путем первых русских землепроходцев из одной великой сибирской реки в другую. Но именно на этом пути сможет он познакомиться с прошлым и настоящим своего края, с его историей и современностью, с его неповторимой природой и замечательными людьми.

На теплоходах и моторных лодках, на деревянных расшивах и пешком по старому тракту, где и по сей день неподвластными времени часовыми стоят полосатые верстовые столбы, прошел со своими товарищами автор, журналист, действительный член Всесоюзного географического общества.

И читатель его книги невольно становится участником полного романтики и приключений путешествия по одному из интереснейших своим прошлым и настоящим уголков Сибири.

От автора

Мысль о путешествии по Обь-Енисейскому каналу овладела нами окончательно, когда мы прочли статью о нем в пожелтевшем томе энциклопедии прошлого столетия, и неотвязно преследовала нас до той поры, пока мы, до отказа набив рюкзаки, не сели в Новосибирске на сухогрузный теплоход СТ-774.

Но еще долго суждено нам было продвигаться почти на ощупь, пользуясь случайными данными и о самом маршруте, и о нынешнем состоянии канала.

Правда, перед самым отъездом в газете обских речников появилась крайне сбивчивая заметка, из которой нам удалось узнать, что в 1918 году предпринималась попытка вернуть канал к жизни, и для обследования его даже направили пароход с символическим названием «Первый», и что в помощь ему была выделена землечерпалка «Сибирская-5». Но пароход вошел в канал поздней осенью, когда вода в таежных речках уже спала. И даже несмотря на отчаянные попытки храбрецов из команды «Первого» (они сняли кожухи, разобрали гребные колеса и

шли на шестах), им так и не удалось пробиться к Енисею. В довершение всех бед ранняя зима сковала таежные реки и «Первый» вмерз в лед.

Газета «Сибирский судоходец» поместила заметку, автор которой, не вникая особенно в суть дела, не без ехидства писал: «Интересно подсчитать, в какую сумму обойдется проводка одного порожнего парохода через Обь-Енисейский канал?»

В 1921 год Наркомат путей сообщения решил на неопределенное время «законсервировать» канал (у молодой Советской республики и без него дел хватало). Большинство гидротехнических сооружений (плотины, шлюзы, водоспуски) были разобраны, а сохранившиеся в удовлетворительном состоянии дома и хозяйственные постройки перевезены в обские затоны.

Вот, пожалуй, и вся информация, которой мы располагали к началу нашего путешествия.

А много дней спустя, уже на Кети, когда от Новосибирска нас отделяло добрых полторы тысячи километров и первая кожа с нас уже облезла, лица почернели и носы облупились, встречным курсом показалась лодка, затянутая брезентовым тентом, на котором ослепительно яркими буквами было начертано: «Краснодар — Шушенское — Краснодар». Шушенское — на Енисее, и лодка шла со стороны канала. Мы радостно приветствовали парней, надеясь получить от них исчерпывающую информацию.

Кормчий вышел на берег и, продемонстрировав свою почти спортивную фигуру, прокомментировал:

— На меня посмотрите: живот был —во! А теперь в руки взять нечего.

Его спутник с унылым согласием кивал головой, высунув ее из спального мешка.

— А комар на канале... Клюв, что у коршуна,— четверо штанов насквозь!

— Медведям бы по нему пешком ходить: они к буреломам привычные,— не унимался кормчий.— Два винта на корягах оставили, у третьего — лопасть отлетела...

— Хватит,— закончил он.— Теперь до Томска, а там лодку на платформу, сами в купе, и прямой дорогой на Енисей. Чего и вам советуем.

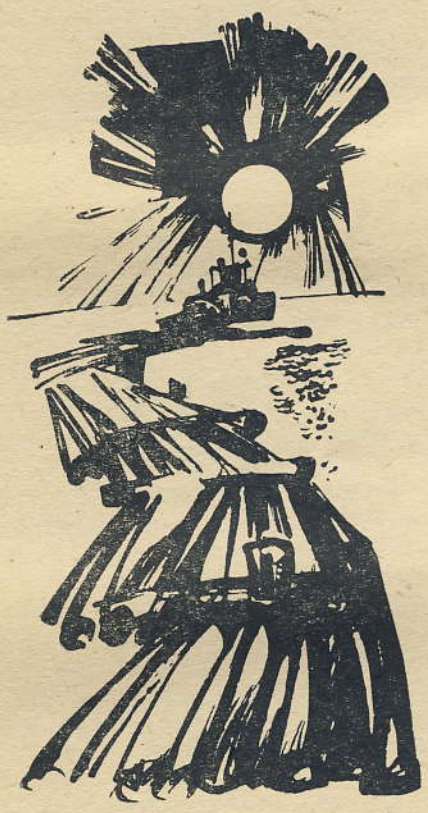
И лодка, ослепительно сверкнув на солнце надписью, понеслась дальше, а мы решили испытать судьбу...

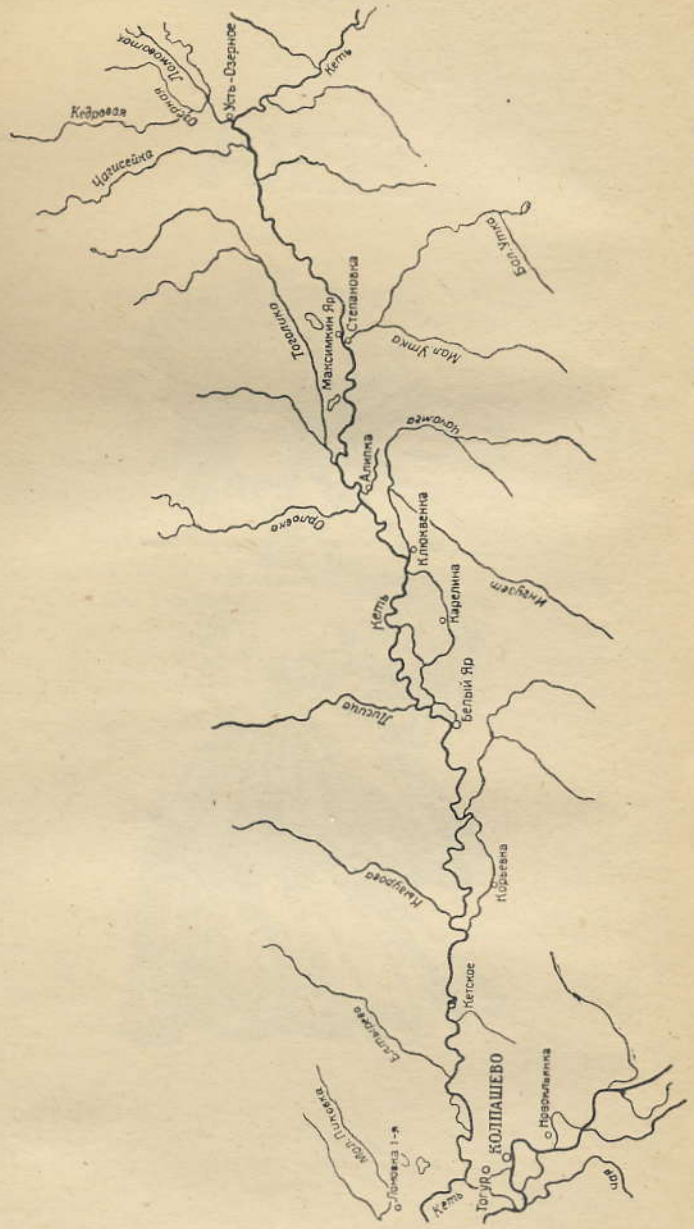
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Зато никакой двусмысленности, никаких недоразумений не было у него с русской рекой. На реке он оживал, и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил он в песне таких ласковых слов,— и было за что. При переселении река указывала ему путь... он жался к ней, на ее берегу ставил свое жилье, село или деревню. В продолжении значительной... части года она и кормила его... Она — готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога.

В. О. Ключевский.
«Курс русской истории».

РЕКА

Глава 1

Поздним июльским вечером 1969 года началось путешествие автора этих строк и двух его спутников-иркутян прозаика Альберта Гурулева и поэта Иннокентия Новокрещеных в места, о которых в Сибири и по сей день ходит множество легенд и преданий.

Я стоял в рубке рядом с капитаном сухогрузного теплохода Виктором Алексеевичем Телегиным, отыскивал в бинокль береговые знаки и несколько раз ошибался, принимая за них то дальние огни туристских костров, то редкие огни поселков.

— Ищи самые слабые. На море маяк ни с чем не спутаешь, а наши едва разглядишь.

— Приходилось на море ходить?

— Ходить не приходилось. Война забросила. Хотел по горняцкому делу пойти, а пришлось на артиллериста учиться. В том же сорок первом и на фронт попал, в Севастополь. Помню, все удивлялся, как это моряки в темноте умудряются проводить перегруженные транспорты. А сейчас — потуши на Оби все сигнальные огни — проведу. Обь, конечно, не море — волны через рубку

не перехлестывают, но коварства в ней хватает. Вчера проходили — все в порядке, а сегодня на том же месте мель. Тяжелая река, с норовом.

Телегин сидел в кресле с высокой спинкой, а слева от него отсвечивал начищенной медью штурвал. Но руки капитана лежали на клавишах рулевого управления. И когда Телегин нажимал на клавишу, в темноте было слышно, как поворачивается шкив штурвала. Иногда капитан включал фонарик и освещал листы речного атласа-лоции. И в рассеянном свете фонаря на руке капитана выступал глубокий шрам.

— Память о Севастополе,— вздохнул он,— полтора месяца провалялся в госпитале. Залатать залатали, а из действующей списали. Так и пришел в Новосибирское речное училище в артиллерийской форме.

Он помолчал, сосредоточенно отыскивая в бинокль очередной береговой знак.

— Всю жизнь на Оби. Думал, сам могу ее историю написать, а недавно прочитал о первых землепроходцах, подумал — вот настоящие парни были! И даже приятно стало — тоже ведь свои родные ребята, речники. Первые сибирские капитаны. Знатная, выходит, у нас, у сибирских речников, династия. Вон откуда начало берет...

* * *

Стояла душная, даже на реке, июльская ночь, и по небу метались зарницы. И в их ярко-розовых сполохах, как века, густо и медленно плыли тяжелые грозовые облака.

Наверное, когда-нибудь напишут историю сибирских рек. Потому что не камни, не древние развалины, не могучие курганы, а именно реки хранят в памяти и беды и радости многих поколений. Они помогали русскому человеку покорять свою огромную страну, они растили на берегах своих дере-

вья для легких стругов, они кормили и одевали первых землепроходцев, и трудно сказать, что ближе русскому человеку — сама река или земля на ее берегах.

Одиноко и неуютно чувствовали себя первые капитаны сибирских рек, широкоплечие и широкогрудые парни с длинными нечесаными бородами. Суеверный страх охватывал их, когда вспыхивали на небе алые зарницы. И тогда кто-нибудь запевал протяжную песню, и песня плыла вместе с ними по неизведанной могучей реке, и зверье таежное, большое и малое, настороженно прислушивалось к незнакомым звукам, готовое в любую минуту сорваться с места и стремительно унестись в тайгу. И в задымленных юртах, и в сторожевых землянках напряженно сощуривались узкие глаза, и шуршали стрелы в колчанах, и жались в тень прибрежных зарослей легкие, стремительные обласки.

Мне кажется, я вижу, как лежат вповалку на жестком дне струга русские казаки, шальные головы, а у тесовых бортов журчит река. И тишина вокруг. Будто на тысячи верст нет ничего, кроме хмурого неба, огромной, как море, реки да горстки храбрецов.

И так плывут они до самого рассвета, когда оборвет вдруг и песню и тишину враждебный всплеск, и уронит весло крепкий гребец и станет медленно оседать, прижимая руки к груди, а между пальцев пронзительно тонкий стебелек камыша с редким опереним на конце. И в ответ ощетинятся струги кованными дулами, и далеко по реке разнесется глухое эхо, и еще одно, и еще... А когда отзвучит оно, затихнет, на реку, и на ее крутые берега, и на прибрежную тайгу снова опустится сторожкая тишина. И только серое небо ниже надвинется на смельчаков, да потревоженные птицы будут кружить над гнездами. А струги поплывут дальше от этих неприветных мест в места еще более неприветные...

* * *

— На деревянных лодках дошли русские казаки аж до Тихого океана,— словно угадав мои мысли, говорит Телегин.

— А что если по тому же пути, да на современных судах?

— Заманчиво...

— И грузы найдутся?

— Грузов и сейчас хватает. А если проложить речной путь в Восточную Сибирь к Тихому океану... Тут было бы где нашему брату разгуляться. Пока-то маршруты у нас по Новосибирской, Томской, немного по Тюменской области да Алтайскому краю. Даже на север Оби и в Иртыш выхода не имеем — там, видишь ли, другое пароходство. Вроде как другое государство. Кому нужно отправить грузы за пределы пароходства, пользуются железной дорогой или авиацией. Хоть и дороже — зато прямым путем, без перегрузок.

— Да, проблема дорог в Сибири — одна из самых острых.

— А речные пути — самые дешевые.

В «Экономической географии Сибири», выпущенной в тридцатых годах Сибкрайиздатом, упоминается об одном интересном проекте русских инженеров.

«В конце XIX века был поставлен вопрос о соединении основных водных бассейнов Сибири каналами с общим выходом через уральские речные системы в Волжско-Камский водный бассейн. Этот огромный проект, создающий сквозное движение по рекам Сибири, начиная от Тюмени и кончая Владивостоком... равнялся бы 10 900 километрам. Такой путь, безусловно, содействовал бы развитию грузооборота и давал бы возможность развить в большей мере такую отрасль хозяйства, как лесное дело. Вместе с тем, он давал бы естественный выход сибирским грузам на запад. Частично этот проект осуществлен устройством канала Кеть-Касского, объединяющим системы рек Оби и Енисея...»

* * *

Навстречу и обгоняя нас бесконечным потоком шли суда, большие и малые, пассажирские и буксирные...

Виктор Алексеевич узнавал их по гудкам, как узнают по голосам близких знакомых. Каждого капитана он знал по имени и мог рассказать, откуда пришел он на Обь и сколько плавает. С одними Телегин учился когда-то в техникуме, с другими, много лет спустя, оканчивал водный институт, и они приходили к нему на стажировку.

Когда пришел Указ о награждении Телегина Виктора Алексеевича орденом Ленина, капитаны приветствовали СТ-774 торжественно-радостными гудками.

В эту навигацию Виктор Алексеевич по традиции снова набрал молодежную команду: «С ними веселее».

...Светает. Размытые краски летнего утра заливают реку, и скользящие по ней суда кажутся еще внушительнее. В трюмах каждого из них свободно уместился бы груз десятков стругов. Не узнали бы те первые капитаны свою реку.

А может, встал бы на крутом яру казак, заслонил глаза от солнца широкой ладонью и сказал: «Ишь какие корабли за нашими стругами увязались!»

А и впрямь пора поставить где-нибудь на высоком обском берегу отлитого из бронзы или высеченного в мраморе русского казака. И пусть стоит он на берегу великой реки и любуется на дела потомков своих. И суда большие и малые, проплывая мимо, будут салютовать гудками основателю славной династии капитанов земли сибирской.

* * *

Широко и ладно раскинулось по крутояру древнее село Колпашево. Прочно легли в стены домов стволы столетних кедров. А крыши домов, и высокие заборы, и струганые тротуары сработаны из первоклассного теса, и дороги вымощены чурками в обхват. Нынешним крупнопанельным близнецам трудно конкурировать с освященным веками промыслом русских мастеровых: у них что ни изба — фантазия и умельство. То завершат крышу фигурным коньком, то пустят по карнизу затейливую резьбу, а оконные наличники так изукрасят, что не можешь оторваться.

Идешь по улице, как по выставке народного творчества. Сколько лет этим домам? Не одно поколение колпашевцев родилось и выросло в них и успело состариться, и уже внуки, а то и правнуки сбегают по обветшалым ступеням. Кое-где дома подновляют, а чаще оставляют доживать свой век за крест-накрест забитыми дверями и окнами, и ждать своей очереди: новое крупнопанельное Колпашево наступает на старину.

Учительница местной школы Антонина Ивановна Панова дает нам адреса домов, связанных с историей Колпашево, и советует посмотреть их именно в этот приезд — многие намечены под снос и доживают последние дни.

Мало кто знает сейчас в Колпашево о тех, первых русских, кто и село это основал и дал ему имя.

Давно уж зажгли свет, а мы сидим вокруг стола и, забыв о времени, слушаем рассказы Антонины Ивановны.

— Кто же все-таки основал ваш город?

— Одни считают основателем народного героя Колпаша, бежавшего от гнета помещиков из европейской России. (Кому не хочется вести свой род от народного героя!). А по-моему, все гораздо проще. В те времена русские еще только осваивали среднее течение Оби. И Первуша Колпашник, судя по всему, казачий старшина, в 1611 году ходатайствовал о закладке нового острога. Место было во всех отношениях удобное: и перекресток двух речных дорог — Кети и Оби, высокий сухой берег... А раз место удобное — острог быстро оброс пашенными крестьянами. Многие сибирские города и села ведут свою историю с того бурного и до сих пор мало изученного времени.

И я вспомнил, как замечательно описал его сибирский историк Н. М. Ядринцев в книге «Сибирь как колония», изданной в Санкт-Петербурге в 1882 году:

«В это время Сибирь представляет оживленную картину: на Севере казаки плывут в стругах и покоряют инородцев; они рассылают отряды в разные стороны и строят городки и остроги; за ними следуют промышленные люди и соболевщики. Охотники и зверовщики рассыпаются далеко впереди покоренных местностей по неведомым пустыням, ставят промышленные избушки и блокгаузы. В одном месте собирают ясак, в другом выбивают и преследуют зверя, отыскивают руды и мамонтовую кость, отбивают или меняют скот у инородцев. Создается целый промысел хмелевания, организуются соболиные и рыбные артели... Правительство и частные лица соперничают в захвате богатств».

Вот такими были эти края в те давние времена, когда на высоком яру, где встречаются две сибирские реки, основали укрепленный острог. Нетронутая тайга подходила к нему так близко, что расторопные жены поселенцев били соболя палками и коромыслами прямо около дома.

Не узнать теперь Колпашево: изменилось, похорошело старинное село — вполне современный город, хоть и далеко на севере Томской области. И кажется, ничего не осталось

в нем от тех давних времен (ведь даже самым древним его домам ну пятьдесят, ну пусть сто лет, а городу-то три с лишним века). И все-таки мы встретились с прошлым, встретились там, где меньше всего ожидали.

Кабинет директора Колпашевской судоверфи Константина Александровича Колотовкина. Уже несколько раз мы тщетно пытаемся начать разговор: непрерывным потоком идут снабженцы, представители заказчиков, рабочие и бригадиры—некогда вздохнуть, не то что поговорить по душам.

Наконец поток посетителей приостановился, и Колотовкин достал с полки книжного шкафа лист кальки. Мы замерли... на столе лежала схема Обь-Енисейского канала. И поразила нас даже не сама схема, а то, что лежит она у делового человека не дома, в запыленной папке редкостей, а тут, в рабочем шкафу. Константин Александрович уже готовился дать пояснения, но потом предложил:

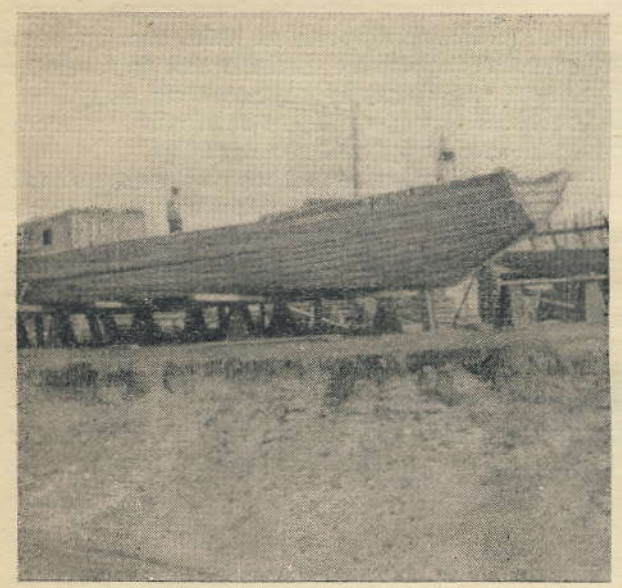
— Вначале я покажу вам нашу судоверфь. Тогда разговор будет предметнее.

Мы вышли и оторопели от неожиданности: на рабочем дворе верфи стояли огромные белые струги.

— В самом деле похоже,— рассмеялся Колотовкин,— а я, признаться, никогда не смотрел на рыбацкие боты с исторической стороны. И впрямь как со старинных рисунков. Хотя, почему бы и не сохраниться удобным и практичным конструкциям...

Директор вел нас через новые цеха, показывал хитроумные приспособления для облегчения все еще тяжелого труда строителей малых рыболовецких судов и с особым удовольствием то и дело говорил: «Сами построили, сами придумали»... А перед глазами все стояли белые и легкие красавцы, пережившие века, и, помнится, именно тогда родилась у меня заманчивая мысль: а что если и в самом деле построить настоящий

русский струг и пройти на нем путем первых сибирских землепроходцев... Родилась и с тех пор не дает покоя. Но Константину Александровичу не до исторических экскурсов. Он человек сугубо деловой, и самые близкие для него проблемы связаны с верфью.

Колпашевская судоверфь. Наверное, очень похожими на эту рыбацкую лодку были струги первых землепроходцев.

— Обидно — не можем принять и половины заказов. И знаете почему? Пока наша продукция доберется на Енисей или Ангару — стоимость перевозки превысит стоимость заказа. Теперь понятно, почему у меня схема Обь-Енисейского канала в кабинете?

— Не хотите же вы через заброшенный канал перегонять современные рыбацкие суда?

— А мы уже перегоняли.

Да, в 1964 году из Колпашево Обь-Енисейским каналом прошли шесть катеров, построенных на верфи по заказу рыбаков Восточной Сибири. Через два года снова рискнули, но вода спала слишком рано. Пришлось возвращать суда в Колпашево, буксировать до Новосибирска по Оби, там грузить на железнодорожные платформы и везти до Красноярска и снова спускать на воду.
В итоге обошлись эти суда заказчикам на несколько тысяч рублей дороже.

— Теперь понимаете, зачем нам канал? При наличии прямого пути судоверфь может полностью удовлетворить запросы всех сибирских рыбаков. И не только рыбаков. К нам поступают заказы от геологов, нефтяников, от колхозов и совхозов на паромы и катера специального назначения, и если вопрос о канале поднимется на солидном экономическом совещании, я бы хотел, чтобы среди прочих заинтересованных голосов и наш скромный голос приняли во внимание.

* * *

Вечером в гостинице подводим первый итог путешествий. Кроме схемы на столе директора судоверфи да сведений, что в большую воду по каналу могут проходить рыболовецкие суда, нам так и не удалось ничего узнать по существу.

— И все-таки мы должны его пройти, хоть пешком.

— Пятьсот с лишним километров по тайге?

— Нам бы только на Кас выйти, а там соорудим плот,— мечтает Альберт, поудобнее устраиваясь на гостиничной койке.—Да закройте вы, наконец, окно: сожрали гады.

Я спешно закрываю окно, а Альберт и Иннокентий, вооружившись подручными средствами, начинают решительную атаку на комариное племя.

Возмущенные бесцеремонным обращением, насекомые поднимают злобный писк и носятся от стены к стене со скоростью реактивных истребителей.

— А что, братцы,— вносит предложение Альберт,— может, мы их дымком, махорочкой?

Набитые до размера сосисок, самокрутки тлеют с вонючим треском, и комната постепенно растворяется в плотном, едком тумане. Проходит десять... пятнадцать... двадцать минут.

Наконец мы не выдерживаем:

— Пошли на улицу, а то ненароком и задохнуться можно.

Последнее, что мы видим,— изысканно-непринужденные позы наших врагов, расположившихся по стенам и на потолке. Независимым, полным спокойной уверенности видом они, кажется, говорят: «Идите прогуляйтесь, мы можем и подождать: спать-то все равно сюда придете».

— Если они в городе так зверствуют, представляю, что нас ожидает в тайге,— вздыхает Альберт.

На улице душно и тихо. В сквере напротив гостиницы мирно пасутся несколько коровенок, и откуда-то издалека доносится ленивый собачий лай...

* * *

Ранним утром мы грузимся на буксирный теплоход РТ-190. Ему предстояло толкать баржу в самые верховья Кети, и капитан (он был нашим ровесником, и мы звали его Юрой) нервничал:

— Чертова вода — за сутки упала на полметра. Если так дальше пойдет, до Катайги не добраться.

А матросы тем временем невозмутимо и старательно крепили к тупому носу «РТ» баржу с гравием.

Потом теплоход медленно разворачивался в сторону широкого плеса, и в береговой дымке смутно очерчивались портальные краны и груды бревен, а чуть в отдалении — прямоугольные штабели теса, и у самого горизонта, на крутом взгорке, над домами, над портальными кранами и над чахлым лесом подняла свои купола церквушка.

— Тогур,— кивнул Юра в сторону берега.

Поселок все приближался, становился отчетливее, рельефнее. У берегов плотным настилом сбились бревна, и, когда накатывались волны, по настилу пробегали судороги.

* * *

Солнце стояло низко, и его лучи били в иллюминаторы по правому борту, а по левому спускалась легкая полутень.

Я прошел на нос теплохода, а оттуда перебрался на баржу с гравием. Камни прогрелись за день и еще хранили тепло, а воздух уже посвежел, и ветерок ершил густую шевелюру тальника. Гибкая лоза склонилась к самой воде, и река задумчиво перебирала длинные тонкие листья.

«...Сия река зело тосклива, для того, что жилья по ней нет,— вспомнил я строчки из «Путешествия от Тобольска до Нерчинска и границ Китая» царского посланника Николая Спафария.— А опричь того река Кеть тоскливая и для того, что по ней ни елани, ни поля нет, только соры и озера...»

Шел 1675 год...

«Июля в 3-й день. На правой стороне зимовье томских казаков, а шли те казаки в Енисейск с хлебными запасами, и в том месте те казаки зимовали для того, что застало их время зимнее».

Интересна сама история путешествия Николая Спафария.

«В прежние лета,— говорит Ремезов в предисловии к своему знаменитому атласу Сибири,— преж Ермакова взятия Сибири, в лето 7085, посланы были с Москвы в Сибирь по указу великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси самодержца атаман Иван Петров с подъячими, и мурзы Бурнаш Ялычев со товарищи 20 человек на восток и север для проведывания соседних царств, и язык, и орд, и волостей, в каком расстоянии от Москвы и коль далеко подлегли к Московскому государству».

Петров и Ялычев добрались до столицы Китая, но, не имея с собой поминков (подарков), не были допущены до царя Тайбуна. Однако китайский властитель дал им «любительную» грамоту к царю Иоанну.

К сожалению, от первых сибирских путешественников дошли до нас только сбивчивые и противоречивые рассказы.

Царствовавший в XVII веке Алексей Михайлович поручил трудное и рискованное дело поисков дороги на Восток выходцу из Молдавии, образованному и энергичному чиновнику Николаю Спафарию.

«Путешествие» Николая Спафария едва ли не самый ранний достоверный документ о пути в Китай по сибирским рекам. И составлен он столь подробно и обстоятельно, что, при некоторых поправках на изменчивые русла, им можно пользоваться и в наши дни.

«Река Кеть и вершины ее текут издали, из степи, близь Красноярского острога, однако же от Маковского острогу вверх по ней струги великие не плавают для того, что вода живет малая. А от Маковского острогу еще три днища есть деревня русская при береге Кети, а при вершине ея живут татары, киргизы и иные.

Длина Кети не малая, потому что от устья ея, где падает в Обь, плавают вверх воды недель по шести и по семи. А из Маковского

острогу, сказывают, что до вершины ея будет плавания столько же».

Свидетельство Спафария о длительности пути до Маковского нас не очень вдохновило: как раз неподалеку от бывшего русского острога и начинался Обь-Енисейский канал. Но потом я спохватился, что Спафарий руководствовался скоростями почти трехвековой давности.

«А ширина ея, где впадает в Обь теми устьями, немалая: каждое устье будет больше Москвы-реки»...

Что верно, то верно. Трудно европейским рекам тягаться в раздолье с нашими, сибирскими!

«И глубина ея немалая от Маковского острогу, а рыбы живут всякие, потому что многия реки в нея впадают, и соры, и озера».

Это еще предстояло проверить. За триста лет рыбные ресурсы могли существенно поубавиться.

* * *

В воспоминаниях время летело незаметно, и когда я вернулся на теплоход — шла капитанская вахта.

— К родимому месту подходим,— сказал Юра.

— Куда подходим? — не понял я.

— Место тут одно хитрое есть. Прорва.

— Что за прорва? Хотя погоди, знаю: «Прорва именуется для того, что старую реку покинет и вновь потечет».

— Это по-каковски?

— По-древнерусски. Подлинное свидетельство царского посланника Николая Спафария трехсотлетней давности.

— Она и есть. Баржу уже потянуло.

— Растолкуй мне все-таки, что это за прорва?

— Чего тут мудреного: Кеть петли выписывает, что змея в последних судорогах.

Где края петли близко сходятся, в паводок река прорывается напрямую. Но потом ей силы не хватает, и она снова сходит в старое русло, оставив мелкую, но бурную протоку. А течение раздваивается. Как попадешь в такой перехлест с баржой или плотом на буксире — держись! Того гляди на мель выбросит. Вот сравняют петли — будем гулять как по проспекту.

— Есть такой проект?

— Пока нет. Это мы с капитанами мечтаем.

Если Кеть спрямить — сократится несколько сотен километров, и не мотали б нам нервы всякие водовороты и прорвы. И плоты тогда можно длиннее делать, и баржи сильнее загружать — нам выгодно, и люди спасибо скажут.

— Интересно...

— Еще бы не интересно. Или по прямой реке грузы перевозить, или крутить их по петлям. Сколько плотов на мелях за сезон остается. Посчитал бы кто эти потери да прикинул попутно, сколько на петлях лишнего горючего сжигается, как ползут суда на самых малых скоростях, особенно когда вода начинает падать. В былые времена, рассказывают, местный житель канаву прорыл на перешейке, и Кеть новым руслом пошла, ей только чуть-чуть подсобить. Земля здесь мягкая, податливая: ни скал, ни камня...

* * *

Утром Юра поднял меня раным-рано.

— Кетское проходим.

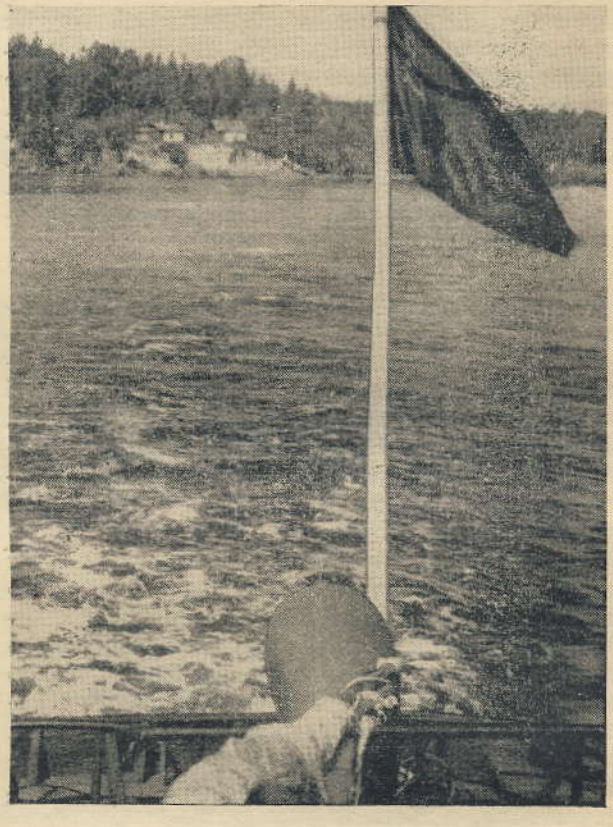
— Где?

Я с интересом всматривался в берега, но ничего не видел.

— Да вон,— показал капитан в глубину широкого залива.

— Эти два домика?

— Они и есть.

Эти дома остались от некогда процветавшего Кетского острога.

Плещет река у крутого берега. Вечная и спокойная, помнит она, как легкий кетский ветерок играл флагами знатных российских торговых домов. И многие из местных пашенных крестьян бросали свой исконный промысел и тоже становились людьми торговыми. Около двух десятков купцов значилось в Кетском остроге, и все они не сидели на месте, а, оставив в лавках и на складах приказных, грузили струги и плыли вглубь таежной страны.

В те давние времена каждый сибиряк был путешественником и предприимчивым добытчиком, будь то вольный казак, пашенный крестьянин или знатный воевода. Один государственный чиновник, познакомившись с Сибирью, назвал ее даже «Страной Дон-Кихотов» и «Наполеонов тайги».

И вся эта пестрая толпа «донкихотов» и «наполеонов» выплескивалась на крутом яру у Кетского острога, и кружила, и куролесила перед дальней дорогой, и в безмерных количествах закупала и муку, и порох, и другие припасы, а к острогу подходили новые баржи, доверху груженные товарами, и увозили назад в Россию легкий сибирский товар, который ценился в Европе дороже золота.

А в глухой тайге по-прежнему хозяйничали местные князьки и совершали дерзкие и беспощадные набеги. Я снова вспоминаю Николая Спафария:

«Июня в 29 день. На левой стороне Кети речка, от старой Кети 15 верст. На той же стороне городище Марково. А в том городище жили казаки, а перешли из того городища те казаки в Кецкой, для того, что остяки хотели то городище выжечь, а казаков побить».

И не только мирные поселенцы, но и вооруженные экспедиции чувствовали себя неспокойно, вступая под своды тайги.

«А на устье нижнем той протоки, как изменял Ныргей и взял государеву казну и служивых людей побил, а казну государеву полонил, и казна государева была в полону на устье нижнем той протоки в лесу с год».

И только за частоколом острога и поблизости от него чувствовали себя русские поселенцы в относительной безопасности.

«Июня 8-й день. Приехали в Кецкой острог. А Кецкой острог стоит на красном месте, по правую сторону Кети. А в Кецком дворов с 20, да церковь живоначальные тро-

ицы, да Николая чудотворца. Да на первой стороне реки Кети деревня русская Волково Кецкая от протоки верста... Да на правой стороне Кети деревня русская, от Кецкого острогу 2 версты, а в той деревне 7 дворов... Да на левой стороне Кети деревня русская. А прежде того на том месте бывали юрты летние остяка Неугы князька. А в той деревне шесть дворов, от протоки 3 версты».

Так начиналось заселение этих мест: островками под прикрытием острогов, хотя просторы вокруг были действительно необъятные.

Но несметные богатства Сибири притягивали к себе новые и новые толпы искателей счастья. Со всех сторон России шли по рекам, пробирались сквозь тайгу, через степи и горные перевалы изголодавшиеся и измученные бедностью русские люди.

Бегство крепостных крестьян в «землю обетованную» стало настолько массовым, что правительство специальным указом предписывало проникших за пограничную линию Сибири без особого на то разрешения бить кнутом всех свыше 40 лет возрастом, и плетьми и батогами — кто моложе.

А народ находил новые способы проникнуть в свободный от крепостного права и обильный землями край. Многие добивались ссылки по капризу помещика или по собственной воле вдруг превращались в дезертиров и бродяг. Появился даже особый тип «непомнящего» крестьянина, забывшего вдруг свое имя и место, откуда он родом.

Неподвластная вольница увлекала и служилых людей. Посланные с поручениями, они оставались где-нибудь в глухой тайге, прельстившись обилием соболя, или оседали в тайных поселениях, обзаведясь семьей и полностью перейдя на натуральное хозяйство.

«Сибирский промысел и нажива получили свое начало в эпоху завоевания края,— пишет Н. М. Ядринцев.— Грубые и бесцеремонные способы этой наживы обусловливались сначала войной и неприятельским обращением с инородцем, не изгладившимися и впоследствии: война и промысел шли здесь рядом. Отражение завоевательных воззрений и принципов можно проследить по всей истории промышленной жизни края. Самое завоевание Сибири не было плодом одного воинственного и рыцарского духа, это завоевание руководствовалось практическими целями промышленной наживы, кончившейся вымиранием целых племен в Сибири, так же как голодом и людоедством... напоминающими подобные же столкновения испанцев среди диких племен Америки».

Много повидала на своем веку река Кеть, и, может, именно о тех смутных временах разговаривала она с берегами своими, когда наш РТ-190 проходил мимо двух заброшенных домиков, оставшихся от некогда грозного оплота русских поселенцев.

* * *

За завтраком мы ели жирную, душистую уху. А когда завтрак кончился — завернули самокрутки и с наслаждением курили и разговаривали.

— С незапамятных времен Кеть рыбой славится,— мечтательно сказал Альберт,— вот бы с бредешком походить.

— Слушай, Юра,— поддержала предложение жена капитана Нина, плавающая вместе с ним,— может, и впрямь не плохо порыбачить, запасы к концу подходят.

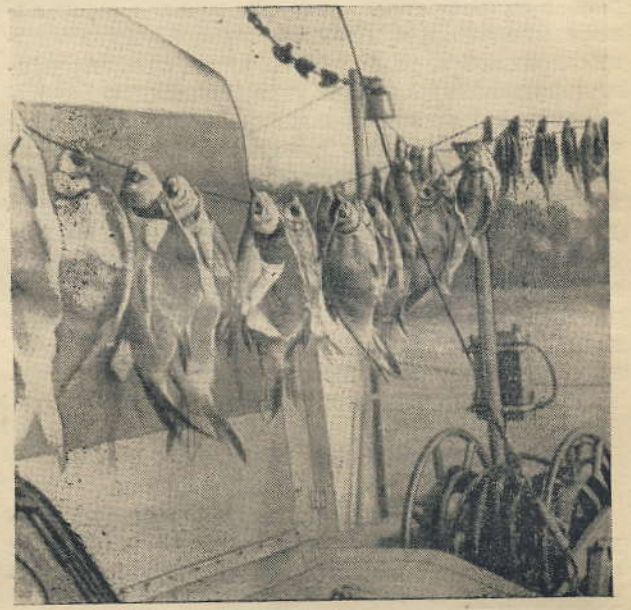
— Раз надо, значит, надо. Быстро собрать всех свободных от вахты.

...Высокий нос баржи, цепляясь за ветки раскидистой березы, ткнулся в берег. Юрий, Нина и двое матросов сбежали по трапу. Мы поспешили присоединиться к ним. А баржа не торопясь отвалила от берега и скрылась

за поворотом. Мы недоуменно посмотрели на Юрия:

— Куда это они?

— Кеть делает очередную петлю. Пока «РТ» ее обойдет, успеем и порыбачить, и уху сварить.

После удачной рыбалки.

И мы пошли к ближнему озеру. Оно плескалось в свежем ветерке, совсем недалеко от берега, и было похоже скорее на большую круглую старицу. Но когда мы разделись в высокой траве и под аккомпанемент голодного и радостного комариного писка полезли в воду, оказалось, что со дна бьют ключи.

Альберт и Юрий оставались на берегу, я заводил через залив веревку, а Иннокентий придерживал конец бредня. Ноги вязли в ледяном илистом дне. Я взял веревку и поплыл. Сверху вода теплая, и плыть было приятно, но ближе к берегу пошли сплошные водоросли, и скользкие холодные стебли, как щупальца, цеплялись за тело.

Бредень оказался длинным и перегородил весь заливчик, и мы тянули его, шагая босиком по острой береговой осоке.

Вытащили бредень в конце залива. Он весь залеплен илом и водорослями, и в грязно-зеленой каше — серебряная мелочь мальков и несколько чебаков и окуней.

— «Первый раз закинули невод — пришел невод с травою морскою».

Мальки летят в воду и во все лопатки удирают на глубину, а несколько рыбин покрупнее попадают Нине в мешок.

— Не получилось,— огорчается Юрий.— Попробуем в другом месте.

Теперь Иннокентий отчаянно молотил руками и ногами по воде, сгоняя рыбу в бредень. Метров через сто пятьдесят мы вытянули с полведра жирных окуней и столько же рыбы помельче.

— Хватит,— сказал Юрий и блаженно растянулся на берегу.

Прошло уже около двух часов с тех пор, как мы покинули «РТ», а он не подавал никаких признаков жизни.

— Рыбы-то, рыбы сколько,— мечтательно вздохнул Иннокентий.

— Где это ты ее увидел?

— Посмотри в воду.

Небольшой заливчик действительно кишел мальками. Они плавали густыми стайками прямо около берега, кидаясь в сторону от собственного неосторожного всплеска. Были тут представители и благородного семейства язей, и плотва, и ерши, но больше всего поразило нас, что тут же, вместе со всем честным младенчеством, резвились щурята. Они вели себя мирно и вполне пристойно, хоть и были побольше и пострмительнее остальных.

И вдруг!.. Вот это мирные детки! Два щуренка не торопясь подплыли друг к другу, и, видно, к несчастью одного, у второго при взгляде на упитанного собрата разыгрался аппетит, и пасть сама по себе раскрылась. Голова одного щуренка исчезла в пасти другого, но добыча оказалась не по росту. Щуренок отчаянно глотал, но хвост друга детства упорно торчал из его пасти. Так он и уплыл от берега с торчащим из пасти хвостом.

...Мы сидели с Юрой на берегу и разговаривали о рыбе и о рыбалке.

— Благодатные места. Жаль, далеко от берега отойти не можем: там и рыбы и ягод видимо-невидимо. Такое богатство пропадает! Говорят, во время войны ее отсюда тысячами тонн вывозили. А сейчас на всей Кети ни одной рыболовецкой артели.

— Видно, артели нерентабельными оказались?

— Не знаю, что это за артель, если в наших краях без дохода останется. Женщины все лето и осень мешками ягоду таскают и грибы, а мужчины — что ни рыбалка — лодки с краями полны.

— Места знать надо...

— Кто же говорит, что не надо. Артель-то набрать из местных. Заинтересовать их, выделить лучшие места. Глядишь, и дело пойдет. Только и делают, что лес рубят. А может, на месте этого леспромхоза выгоднее поселок, вроде Кедрограда, поставить.

— Без леспромхозов тоже нельзя.

— Разве я против леспромхозов. Но в былые времена здешняя тайга целые народы кормила и одевала, а с тех пор она если и стала беднее, так только по нашей милости. В Центральной России сплошные заповедники. Там, значит, нужно охранять природу, а в Сибири вроде ни к чему.

— Дойдут руки и до наших мест.

— Поздно б не было...

* * *

Несколько минут спустя мы с Ниной уже сортируем рыбу на предмет ухи и жаркого.

Тихая, неторопливая Нина пользуется на теплоходе особым уважением. Я никогда не видел, чтобы она распоряжалась или использовала власть единственной и довольно симпатичной женщины в мужском коллективе. Говорит всегда осторожно и тихо, словно боясь обидеть собеседника лишним словом. И старается угодить всем ребятам.

Помню, я удивился, что на камбузе РТ-190 не значится дежурных.

— А зачем? — объяснила Нина.— Если надо помочь, попрошу любого, свободного от вахты.

— Не надоедает с весны до осени на воде?

— А мне с Юрой всегда интересно, что зимой, что летом. Зимой у Юры институт: чертежи, конспекты. Я хоть и давно училась, а отставать не хочется: ему тогда неинтересно со мной будет. Математику или специальные дисциплины мне не осилить, а вот черчение... Я ему чертить помогаю. Интересно! Вроде и сама в институте учусь. Мы здесь на теплоходе занимаемся. В январе у нас сессия.

Нина так и сказала «у нас сессия».

...Вечером прощальный ужин. На сковородке под зеленым луком наш улов. Чемпионы съедают по 40—60 штук, обычные любители — 20—30.

Ужин получился на славу, и никому не хотелось расходиться. И тогда стали вспоминать сибирские песни. У Нины голос звонкий, чистый, у Юры глуховатый, а песни они любят, и получалось красиво.

Глава 2

Так вот ты какой, Белый Яр! Раздвигая в стороны деревянные домики, растет современный поселок, и на одном конце его еще

принимает гостей покосившаяся чайная, а километрах в пяти от нее, в самом центре, строится из бетона и стекла великолепное кафе, над приземистыми крышами поднялся широкоэкранный кинотеатр «Юность». Все это — современное и архаичное — утопает в зелени множества тополиных аллей, садов, садиков и скверов. И тут же—огромное болото. Давно хотят белоярцы избавиться от него; но для этого нужно отгородить болото от Кети, а такое дело поселку пока не под силу.

В большую воду болото — прекрасная стоянка для лодок, а лодку имеет каждый уважающий себя рыбак, а рыбак непременно есть в каждой семье, живет ли она в старинном деревянном доме или новом, многоквартирном, со всеми удобствами и с балконом, откуда открывается панорама заливных лугов. Летом на луга белоярцы отвозят домашнюю живность, и рано по утрам, и поздно вечером гудит река от моторов и, вся иссеченная волнами и бурунами, несет потом эти лодки назад, под крутой и до боли в глазах блестящий берег из чистого речного песка и белой глины. От этого яра и взял поселок свое название, и на нем встали его первые дома, и только потом, прогибаясь в распадках под тяжестью длинных улиц, стал теснить он от берега и тайгу, и болота.

Ровно год назад пытался я попасть в Белый Яр сухопутным путем из небольшого городка Томской области — Асино, через тайгу и болота вдоль трассы будущей железной дороги. У Асино с железной дорогой связано строительство крупнейшего в Сибири деревообрабатывающего комплекса, на долю Белого Яра, центра единственного в округе специализированного лесодобывающего района, «выпала честь» снабжать комплекс сырьем, стать перевалочной базой.

В свое время раздавались голоса за размещение комбината в Белом Яре: во-первых,

отпадает необходимость строительства едва ли не самой дорогой из всех существующих в стране железных дорог, а во-вторых, и это тоже немаловажно для глухих районов Сибири, построенный по последнему слову науки, техники и промышленной эстетики комбинат помог бы культурному развитию колоссального по своим размерам и почти безлюдного района.

Побродив около часа по раскисшим от недавнего дождя улицам, мы наконец расположились втроем в одноместном «люксе», безропотно оплатив тройную стоимость тесного, но устланного ковром, украшенного трюмо и обшарпанным шифоньером изобретения предприимчивых райкомхозовцев.

Утром нас разбудили вопли под окном.

— Кого там режут,— недовольно ворчит Альберт, выглядывает в окно и хохочет. — Ей-богу, душевная картина!

Крики за окном усилились, и мы повскакивали с постелей. Картина была действительно колоритная. Дежурная толстым прутом охаживала пестрого теленка, а тот с детским упорством продолжал жевать листики молоденьких посадок гостиничного скверика.

— У-у-у, треклятый,— громко и напевно выкрикивала дежурная, мочаля свой прут о бока теленка,— чтоб тебя...

Наконец теленок не выдержал бурного натиска и, замычав обиженно и громко, ретировался за ограду.

От созерцания утренней баталии нас отвлек высокий светловолосый парень.

— Залесов,— отрекомендовался он,— заместитель редактора районной газеты.— Говорят, у вас есть книги про Обь-Енисейский канал.

До чего ж быстро разносятся вести! Мы не успели проснуться, а он уже знал не только о нашем приезде, но и о книгах, которые я, несмотря на протесты спутников, продолжал тащить в своем рюкзаке.

— Я давно занимаюсь историей канала,— сказал Залесов,— если хотите, сегодня вечером можно собраться у меня и обменяться информацией.

На этот день у нас намечена встреча в райкоме партии.

Секретарь Верхнекетского райкома партии Федор Алексеевич Давыдов оказался на редкость интересным рассказчиком.

Почти не глядя на карту, Давыдов обводил карандашом огромные лесные массивы и говорил, что здесь миллионы кубометров первоклассного леса, и только невероятно трудная доставка его сдерживает открытие новых леспромхозов, и действующий Обь-Енисейский канал дал бы леспромхозам десятки тысяч рублей экономии.

Потом повернулся к нам и без видимого перехода вдруг сказал:

— Вот вы говорили — в народе вспоминают рыболовецкие артели. А ведь эта проблема тоже связана с каналом. Были они у нас, но после войны заглохло дело: слишком бедна Кеть промысловой рыбой. В войну-то всякая мелочь сходила, а сейчас консервы из обычной речной рыбы не пользуются спросом. Стерлядь, осетрина — это другое дело. Развести ее в промысловых количествах?.. Для этого нужно осветлить воду. Как? Путь единственный — разбавить мутную Кеть прозрачной енисейской водой.

— Енисейской?!

— В теории ничего мудреного: «подпереть» Енисей, направить часть его воды в Большой Кас, в Малый Кас, а оттуда по каналу в Кеть. Уровень Енисея выше Кети, и, если восстановить канал (конечно, применительно к современным требованиям речного судоходства) и «привязать» Осиновскую ГЭС недалеко от устья Каса (есть такой проект), ее плотина поднимет уровень Енисея и повернет часть воды через канал в Кеть.

Федор Алексеевич снова подошел к карте.

— Вот он, наш Верхнекетский район. Огромный...

Да, поистине огромная территория расстилалась перед нами. Огромная и... пустая. Только по Кети да по двум-трем ее притокам — редкие точки поселков. А чем дальше от Кети, тем их все меньше и меньше, и на карте сплошная зелень лесов, испещренная частыми пунктирами болот.

— Сколько торфа! — говорит Федор Алексеевич, показывая на пунктиры.— Сколько гибнет прекрасных земель! Осушить бы эти болота — какие урожаи получить можно.

— Значит, освоить болота под пашню?

— Не только... Мы часто говорим о восстановлении тайги, особенно в нашем лесопромышленном районе, а болота мешают. Пробовали осушать, да разве осилишь. Тут государственные масштабы нужны. А выгода безусловная. Во-первых — торф, во-вторых — организовать на лесных массивах артели по добыче ягод, грибов и других даров тайги и, в-третьих,— первоклассные леса — отличное место для заповедника с ценными породами зверя. А осушение болот можно совместить с улучшением русла Кети. Вот тогда заживем!

И вместе с Федором Алексеевичем мы уже видели, как на карте появляются новые точки лесных городов и поселков и в эти поселки съезжаются молодые ученые, инженеры, лесоустроители, звероводы...

Мы стояли у карты района и мечтали, забыв, что нам предстоит пробираться по нему именно сейчас, а не спустя несколько лет, когда осуществятся мечты секретаря райкома. Но он сам вернул нас к реальности.

— А как вы думаете пробираться по каналу?

— Честно говоря, пока не знаем,— сознались мы.— До Усть-Озерного можно на попутных судах, а там попробуем нанять лодку.

— Вы так и района не увидите. А у нас есть что посмотреть.

Федор Алексеевич задумался.

— Вот что. Оставайтесь у нас на денек-другой. И обязательно побывайте в редакции и познакомьтесь с Залесовым. Он у нас председатель общества по охране памятников истории и культуры.

— Мы уже знакомы.

— И отлично.

— Знаете, Федор Алексеевич, у нас появилась одна идея: хотим сманить Залесова с нами на канал. Он и район хорошо знает...

— ...и лодка у него есть,— улыбнулся Давыдов.

Наша хитрость была разоблачена.

— Ладно, попробуйте. Лишний раз редакционному работнику проехать по району не помешает.

Мы вышли из райкома и тут же направились к Залесову.

— Где это вы пропадали? — встретил нас Геннадий.

— Были у Давыдова.— И мы рассказали ему весь разговор с секретарем райкома.

— Заманчивая идея. На канал я давно собираюсь, все случая не представлялось.

— Значит, будем считать вопрос решенным?

— В принципе, да.

* * *

Мы провели у Залесова весь вечер. Стол ломился от таежных угощений, маринованных, соленых, вареных, копченых... Помню, я пошутил, что ему незачем ходить в магазин: тайга прокормит:

— Если бы только меня,— оживился Геннадий.— Она весь район прокормить может.

— ...Мясом и экзотическими закусками. Но без хлеба насущного, без фруктов и овощей долго не протянешь.

— Овощи у нас на огородах растут. И хлеб можно свой иметь. Какие, бывало, урожаи снимали!

Потом, перечитав множество книг по истории этих мест, я обратил внимание на одну любопытную деталь: все, начиная со Спафария, говорят о земледелии в районе Кети.

Вот небольшая выдержка из Сибирской Советской энциклопедии: «В 1719 году в нем (в Кетском остроге.— В. Т.) числилось 93 дома. Жители занимались охотой, скотоводством, земледелием (сеяли озимую пшеницу, рожь, ячмень, лен)...»

Первые поселенцы этих мест прежде всего были землепашцами.

«Главную основу колонизации на Востоке составляло земледельческое население, усеявшее край деревнями; без него бы казенная колонизация не имела поддержки и стерлась бы... как право на землю, очерченное ремнем воловьей шкуры... Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое хлебное зерно завоевателя».

Это снова Ядринцев. Вот уже в который раз я перечитываю его замечательную книгу «Сибирь как колония», написанную к трехсотлетнему юбилею присоединения гигантского края к России, и каждый раз не перестаю восхищаться образностью и точностью языка и смелостью исторического мышления русского ученого.

Да, на долю сибирского крестьянина выпала самая тяжелая и самая незаметная работа, и на нее ушли не годы, а века упорного до исступления, кропотливого труда. Природная предприимчивость сибирского крестьянина заставляла его быть мастером на все руки. Он становился то ямщиком, то охотником, то рыбаком, то проводником многочисленных экспедиций.

Каждая крестьянская семья собственными силами и средствами удовлетворяла свои по-

требности в одежде, обуви, посуде, мебели, средствах передвижения: делались шубы из овчины, кожаные «бродни», ткались холсты и пестряди, грубая ткань из овечьей шерсти (шабурина), приготовлялись свечи («маканцы»), столы, скамьи, колеса, сани, телеги... А пытливый ум крестьянина искал все новых и новых занятий, и занятия эти усложняются, и русский крестьянин, наконец-то почувствовав себя человеком, впитывает и передает окружающим все самое передовое — от моды на одежду и книг до промышленных идей.

«Не менее интересна и другая миссия, принятая на себя сибирской крестьянской общиной, это — ассимиляция новоселов,— замечает Н. М. Ядринцев.— Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются от местного населения беспрерывной критике и иронии, сопровождаемым и положительными советами, как поступить на сибирской почве, как пахать землю, какие сделать уступки ее девственности, насколько и когда быть благосклонным к бродягам и когда жестоким, наконец, даже советами, как говорить, не возбуждая смеха».

Потом, позже, из наиболее предприимчивых и изворотливых крестьян выйдут крупные купцы, золотопромышленники, фабриканты и заводчики. Но это будет много лет спустя, когда прокатится по всей Сибири лихорадка наживы и предпринимательства.

И в памятнике покорителям земли сибирской (воздвигнут же его когда-нибудь потомки!) рядом с фигурой казака должна стоять жилистая фигура крестьянина... И мне хочется подойти и поклониться ему, поклониться низко в пояс, как испокон веку кланялись у нас на Руси самым почетным людям.

* * *

Саша категорически отказался «опошлять» свою элегантную «Обь» потрепанными

рюкзаками, и я устроился на них в носу редакционной «Казанки», а Иннокентий и Альберт, закинув ногу на ногу, небрежно развалились на удобных прогулочных скамейках «Оби».

Моторы воют на все сорок восемь лошадиных сил, и лодки, несмотря на загрузку, стелются по воде, высоко задрав свои носы.

А тайга подступает все ближе, в хмуром усилии сдавив реку бугристыми корнями, и когда лодки «пролетают» близко к берегу, низкая густая крона тайги совсем закрывает солнце, и оттуда, из чащи, обдает холодным сырым дыханием. Но река, поднатужившись, отбрасывает тайгу и снова вырывается на залитый солнцем простор, и млеет под теплыми лучами.

Итак, мы вышли на последнюю финишную прямую. За ней — канал.

Кроме Залесова с редакционной «Казанкой» к нашей экспедиции (не без помощи Геннадия, конечно) присоединился механик Белоярского леспромхоза Александр Тимофеев с новенькой «Обью». Теперь нас пятеро.

Лодки надежные, моторы опробованы педантичным и придирчивым механиком. К тому же впереди несколько поселков леспромхозов с ремонтными мастерскими.

Да, в тот первый день после Белого Яра погода и наше настроение были одинаково прекрасными.

— Не устал? — как можно равнодушнее спросил я у Залесова,— давай сменю на моторе...

Подвесными моторами я «заразился» несколько лет назад на Алдане.

На этой сумасшедшей реке капитан нашей двухлодочной флотилии Николай Трофимович Колесов и начальник экспедиции Валентин Гончаров взяли надо мной шефство. Под руководством капитана я осваивал материальную часть, а Валентин учил основам навигации и искусству носиться с бешеной ско-

ростью по реке в любую погоду и в любое время суток. За несколько недель я получил хорошую практику и освоил начатки виртуозности. И теперь, стоит мне увидеть на реке лодку, как я ловлю себя на непреодолимом желании снова почувствовать ребристую ручку мотора и вывести ее на полный газ, чтоб ветер свистел в ушах и корма проседала ниже собственных бурунов.

— Попробуй,— сказал Геннадий,— только «Вихрь» не «Москва», силенок побольше, и в управлении посложнее.

Залесов сбросил газ до самого малого, и я перебрался на его место.

Странно. Ручка управления не поддавалась привычному легкому усилию. Я подумал, что это от маленькой скорости, и стал прибавлять газ. Нет, в самом деле тяжело. Я дал полные обороты, и лодка легла в рискованный вираж.

— Эй-ей, поосторожнее,— заволновался Геннадий,— переворачиваться пока рано.

Я независимо стиснул зубы и начал заводить мотор (после виража он-таки заглох).

— Смотри, на полном газу не заводи,— лодку из-под ног вырвет.

Это было тоже новым после общения с «Москвой», и я незаметно бросил взгляд на указатель газа. Он стоял на отметке «полный», и я понял, что с этой «игрушкой» нужно держать ухо востро.

И все-таки он очень тяжел в управлении, этот «Вихрь». Даже когда мы ходили по Алдану под двумя моторами «Москва», у меня так не уставали руки. Но у «Вихря» было другое, самое главное преимущество — мощность (ах, если бы совместить ее с легкостью управления!).

Человек привыкает ко всему. Постепенно покорился и «Вихрь». Я подбросил газку — ничего, запел ровнее, и из рук вырывался уже не столь ретиво. И тогда я снова вывел ручку на «полный».

Сашина лодка удрала далеко вперед, и тут я вспомнил о «хитрости» алданского капитана. Саша вел свою «Обь» точно по фарватеру, по стреже, и, естественно, терял в ско-

На Кети. Чтобы на такой скорости обогнать лодку, нужен точный расчет.

рости. Лодка не баржа и не буксир, прикинул я, значит, можно держаться красных бакенов: для «Казанки» глубины около них вполне достаточно.

Постепенно мы сошлись настолько, что я увидел недоуменное лицо Александра. Но ему достаточно было взгляда, чтобы разгадать хитрость и тут же перестроиться. Теперь мы были на равных, плюс явное превосходство ходовых качеств «Оби», плюс преимущество первого выбирать оптимально короткий путь, оставив на долю заднего покор-

но плестись за кормой или выписывать замысловатые зигзаги, проигрывая в расстоянии.

Но нас с Геннадием «заело», и я выбрал самый рискованный вариант. Прицелившись носом лодки в корму Сашиной «Оби», я вывел ручку мотора в самое крайнее положение. «Казанка» присела, как необъезженный жеребец, и понеслась. Ветер резал лицо, и волны обеих лодок схлестывались с такой силой, что брызги посеребренной радугой сыпались за нами.

Я поднял палец и вставил его в рот. Геннадий понял, прикурил и протянул мне сигарету. Я слишком легко зацепил ее губами, и она полетела за борт, опустившись в воду метров за двадцать позади лодки. Геннадий прикурил вторую.

Мы неслись на предельных оборотах, и я видел, как распласталась на воде Сашина лодка. Широкая и плоская, она прекрасно держалась на сумасшедшей скорости, выставив по бокам для устойчивости овальные открылки. «Казанке» с ее утюгообразной формой приходилось труднее, и она мелко дрожала. Достаточно было чуть завалить руль и... Я на момент представил ее последний вираж и постарался больше о нем не думать.

А расстояние между нами все сокращалось. Первая лодка принимала на себя основной удар встречного течения и пробивала нам дорогу в речной целине.

Мы почти касались Сашиного мотора, когда он что-то крикнул Альберту и Иннокентию. Ребята сбросили парусившие штормовики и пригнулись к самому носу лодки. «Обь» рванулась, но Геннадий тоже пригнулся, и мы снова «повисли» у них на корме.

Ближе... Ближе... Чуть выигрываем в скорости... Но, чтобы обогнать, нужно выскочить на волну от первой лодки и пройти по ее скату, завалив «Казанку» почти под сорок пять

градусов. Я взглянул на Геннадия. Опьяненный азартом гонки, он махнул рукой и, перекрывая рев двух моторов, крикнул: — Дава-ай!

Руль чуть на себя. «Казанка», как на треке, заваливаясь все больше и больше на бок, выскакивает на скат... Неуверенно скользит по нему, готовая в любую минуту перевернуться... Отпускаю буквально на миллиметры ручку мотора... Ага, зависла на самом гребешке волны... Последнее, едва заметное даже для меня движение... Острый нос зависает над водяным валом... Толчок... еще толчок... Выбираемся... Снова летим вниз... боком падаем с волны... «Держись!» — ору то ли себе, то ли Геннадию. Но лодка выпрямляется! Рядом с нашим бортом — борт Сашиной лодки.

Уф, пронесло! Выдержала «Казаночка»! Теперь нам с тобой никакие волны не страшны! Теперь я знаю, что и под «Вихрем» ты можешь прыгать через речные препятствия и стойко держаться на волне. Мне нужна эта уверенность. Нужна в самом начале пути, чтобы потом, в самых сложных и вынужденно рискованных ситуациях, быть уверенным и в моторе, и в лодке. Саша не рискнул повторить обходный маневр и отошел к другому берегу, и теперь мы неслись параллельными курсами по обе стороны реки.

Геннадий протянул мне зажженную сигарету. Мы с наслаждением курили, и по нашим лицам гуляли улыбки победителей.

* * *

А по берегам непроходимой стеной стояла тайга, и, чем дальше от Белого Яра, тем она становилась сумрачнее и неприветливей.

И вдруг за очередным поворотом мы увидели ее поверженной. Вдоль голого берега беспорядочно и жалко громоздились бревна, и

вода покрыта толстым и грязным слоем корья.

— Клюквенка,— сказал Геннадий,— Ингузетский леспромхоз.

— А где поселок?

— Километров за пять от берега. Здесь весной все заливает...

— Э-ге-гей! — кричит Геннадий на берег и машет рукой.

Нас замечают, и тронувшийся было автобус останавливается.

Сразу от реки начинается болото, и автобус пробирается по двум рядам сланей. Слева береговой обрыв низвергается прямо в реку, справа и между сланями — затянутая ряской трясина. Импровизированная дорога повидала виды, и кое-где бревна разошлись или угрожающе ощетинились, и нужен поистине высокий класс и привычка, чтобы вывести по ним и тяжелый автобус, и длинные груженые лесовозы.

— Сейчас терпимо,— говорит шофер,— весной худо: река поднимается, заливает дорогу. Того гляди, улетишь под берег или в болото по самую кабину рюхнешься...

Нет, не просто уступает тайга свои владения. Начатая много веков назад, борьба человека с сибирской природой продолжается. И она не стала легче с тех пор для тех, кто обживает ее, заготавливает лес, строит поселки.

Зато как должно быть здорово увидеть потом строителям среди тайги свой поселок. Увидеть, как носится по гладкоструганым тротуарам беззаботная ребятня с облупившимися носами...

* * *

Посещение поселков леспромхозов, кроме познавательного, имело для нас и чисто практический интерес: это единственные центры вдоль Кети с большими бензохранилищами.

И снова лодки стелятся по воде, и за кормой в бурунах и брызгах остаются новые и новые километры великого сибирского речного пути. Сколько их еще впереди — самых трудных и самых интересных километров,

Вот такие сланевые дороги ведут к поселку леспромхоза.

потому что впереди Обь-Енисейский канал... или то, что от него осталось.

Ехать ночью по незнакомой реке — дело не самое разумное, да к тому ж на голодный желудок. И мы пристали к берегу. Он был сырой, покатый и весь усеян корягами и камнями.

Ладно, поужинаем здесь, а потом отыщем место для ночлега — решили мы.

После короткого производственного совещания постановили: в первую очередь пустить в дело двухкилограммовые банки ту-

шенки и гречку: быстро, сытно, сбивает вес с рюкзаков, и, наконец, нет никакого смысла тащить в тайгу консервированное мясо, когда у нас есть ружье и удочки.

Не помню уж сейчас, кто был первым шеф-поваром перехода. Кажется, в тот вечер эту почетную обязанность взяли на себя все сразу. И каша получилась несколько пересоленной, но от нее все равно ничего не осталось.

Потом мы долго лежали у костра и котелок за котелком уничтожали чай. Он пах костром и тайгой и был особенно вкусным после пересоленного ужина.

В ту, первую, ночь мы разбили лагерь на песке.

Пески на таежных реках совсем не то, что разумеют под этим словом горожане. Узкая или широкая полоска пляжа — это не пески. Вот если пляж врежется в реку широким мысом, тогда это и место для рыбалки, и ориентир, и мера расстояния.

— Далеко рыбачили?

— За четыре песка отсюда.

— А до поселка долго ехать?

— Песков семь, однако.

И все понятно. До хорошей рыбалки или до поселка нужно проехать соответственно четыре или семь песчаных мысов.

На песках не растет даже трава, и днем на солнце они блестят ослепительной желтизной, а ночью тускло мерцают в свете луны.

* * *

Утром мы заехали в одну из самых глухих проток. На берегу ее среди лесов и болот затерялся поселок Алипка. Мы подъехали вместе с рыбаками. Они выходили на берег, ссутулившись под тяжелыми от богатого улова заплечными берестяными туесами.

Геннадий узнал среди рыбаков Андриана Афанасьевича Делицина.

В тот день мы были его гостями и очевидцами редкой сцены. Андриана Афанасьевича встретил сосед, совсем древний старик, и торжественно вручил ему «пальму» — длинную палку с острым ножом на конце. Они долго и многословно объяснялись друг с другом, и пальма осталась у Делицина.

Поселок Алипка.

В руках местного охотника пальма—грозное оружие. С ней он идет на медведя и побеждает. Чаще всего побеждает.

Процесс охоты прост. Медведь, прежде чем напасть, становится на дыбы. Охотник кидает ему какой-нибудь предмет. На момент зверь отвлечен, и именно этот момент единственный и решающий, чтобы молниеносно броситься вперед и вонзить пальму в сердце сильного и проворного зверя. Малейший про-

счет, малейшая неточность, и человеку придется дорого расплачиваться.

Но та пальма, что осталась у Делицина, была сделана небрежно и непрочно.

Вся жизнь в Алипке неразрывно связана с рекой.

— Разве с такой пойдешь на медведя?— усомнились мы.

— Однако, помирать собрался. В могилу класть надо.

— Зачем она ему на том свете?

— Пищу добывать. Такое есть поверие у нас, что на том свете жизнь продолжается.

— Тем более, прочную надо: не на одну охоту рассчитана.

— Однако, медведь на том свете слабый. Только дух медведя. Зачем охотиться на духа с крепкой пальмой! Такая хорошо будет.

В тот день мы долго слушали увлекательные рассказы Андриана Афанасьевича. Он

водил нас к древним курганам, показывал остатки карамо — жилищ местного населения. Но к этой встрече и к рассказам Делицина мы вернемся в следующей главе, когда наши лодки остановятся под крутым яром, на котором стояло некогда богатое поселение князька Максимки, и мы увидим богатырский курган, на котором жил сам Максимка. Тогда и рассказы Андриана Афанасьевича, и древняя земля древнего народа, и его история, и сегодняшняя жизнь сольются для нас вместе и станут еще одной страницей повести о кетском крае.

А пока снова вернемся на Кеть.

* * *

Река вздымается крутыми бурунами, а навстречу идут буксирные катера и тащат круглобокие плоты. И наши лодки взлетают на высокие волны.

Мы обгоняем буксиры, которые тащат баржи с домашним скарбом и скотом: едут на новые места переселенцы.

Счастливого плавания по древнему сибирскому речному тракту! Счастливой жизни на гостеприимной и богатой земле!

Я беру руль на себя, круто поворачиваю к берегу и выключаю мотор. Песок шуршит по дюралевому днищу.

—Что за остановка? — справляется Саша, с удовольствием разминаясь на горячем песке.

— Решили откушать пищи господней, что в реке плавает.

— Рыбалка! — оживляется Альберт и лезет в рюкзак за снастью.

— На что ловить будем? — осведомляется Иннокентий.

— Сейчас червячка поищем,— не отрываясь от рюкзака, почти напевает Альберт,— в той рощице ох и жирный червяк должен быть! У рыбы слюнки потекут!

...Но рыба не реагировала ни на жирных червей, ни на красочные приманки Сашиного спиннинга. Не клевала и все тут.

— Что ж это деется, братцы,— почти взмолился Альберт,— неужто придется на берегу реки варить консервы?

И только мы с Кешей хладнокровно и безнадежно закидывали удочки (куда уж нам, дилетантам, когда у записных рыболовов не клюет).

И пока остальные выбирали рыбные места, пока искали оптимальную точку лова, мы экспериментировали с наживкой, просто так, спортивного интереса ради.

Сначала на меня сел паут. Я прихлопнул его и отдал Кеше: «Попробуй». Потом большая синяя стрекоза... Потом пестренький овод... Другая стрекоза — маленькая, желтая...

— Есть одна!

Кеша снял с крючка небольшого подъязка.

— Снова на желтую?

— Рискнем.

Кеша снял с крючка вторую рыбину.

— Давай еще.

Кеша снял третью рыбину.

Желтые стрекозы — хитрые и юркие. Я попытался сбивать их на лету рубашкой — пустое: в самый последний момент они успевали увернуться, и рубашка сочно шлепалась в жидкую береговую грязь.

— Давай наживу! — кричит мне Иннокентий.

А поди поймай наживу, когда она такая верткая.

Но у человека огромное преимущество перед летающими, ползающими и бегающими. Человеку дан разум. «Зачем растрачивать силы на всех стрекоз сразу,— прикинул я.— Нужно изучить их тактику и охотиться за каждой в отдельности, методично преследуя и оттесняя от травы, где стрекоза прекрасно маскировалась».

Дело пошло быстрее, и я приносил Кеше сразу по нескольку стрекоз, и каждая награждала нас рыбиной.

— Как дела? — снисходительно бросил Альберт и вдруг оторопел, увидев, что наш котелок полон рыбы.

— Ты бы хоть освободил котелок, чем без толку по берегу шататься,— выдергивая очередную рыбину, небрежно бросил Иннокентий.

Это было уж слишком. Альберт сверкнул взглядом и с остервенением стал кидать удочку неподалеку от нас. Но... дело было не в месте, а в стрекозах.

И тогда Иннокентий нанес последний, сокрушающий удар:

— Разжег бы лучше костер...

Альберт рванул леску, и на песок шлепнулся крючок с нетронутым червяком. Плюнув с досады, он поплелся собирать сушняк. Мы молча и торжественно переглянулись с Иннокентием, и я с удвоенной энергией принялся за опустошение стрекозиного племени.

...Разгоряченный погоней, я несколько раз перепрыгнул через какую-то коряжку на берегу. Моя очередная стрекоза села на нее передохнуть после бешеной гонки, и я уже замахнулся рубашкой, как вдруг коряга зашевелилась. Я отскочил тройным прыжком, очень близким к всесоюзному рекорду, а коряга свернулась в кольцо, и над кольцом покачивалась голова с раздвоенным языком.

— Змея! — истошно заорал я.

Ребята кинулись на выручку, решив, что змея уже заглотила меня или намеревается это сделать в самое ближайшее время.

— Где? — первым, запыхавшись, прибежал Геннадий, выломав на ходу гибкий прут.

— Вон.

— От, я ее сейчас!

— Подожди, давай сфотографируем на память.

— Отличная идея. Ты бери фотоаппарат и подходи как можно ближе, а я подстрахую.

Он сочно рубанул воздух жидкой хворостинкой.

А потом мы начали гадать — откуда она взялась?

И я вспомнил, как прошлым летом в Тюменской тайге мы много раз видели гадюк, переплывающих реки.

— С того берега и появилась.

— Неплохо для последнего в жизни заплыва.

* * *

Мы спешим. Засветло нужно успеть в Степановку. Протокой до нее три-четыре километра. Но протока пересохла, и приходится давать крюк.

В Степановку попали только утром.

— Насчет имущества не сумлевайтесь. Все будет в цельной сохранности,— заверил старичок сторож.

— Если у вас все такие честные, зачем сторож? — буркнул Геннадий.

— По расписанию положено. Я и состою при расписании.

От лодочной станции вела накатанная бетонка.

— Николай Яковлевич Алымов, директор леспромхоза, позаботился,— заметил Геннадий.— Мне, говорит, эта дорога обойдется дешевле запчастей к машинам.

Геннадий улыбнулся.

— Сегодня познакомитесь. Ершистый человек. Многим спокойно жить не дает. Зато с кадрами у Алымова в порядке, и с жильем, и с планом.

— Ну, пойдем с ним знакомиться.

И мы пошли в контору.

Алымов сразу узнал Геннадия, разулыбался:

— Старый знакомый.

И, хватившись, что мы стоим у порога, весело предложил:

— Да вы садитесь, садитесь. Только время не подходящее — не дадут долго говорить.

Дверь отворилась, и на пороге вырос здоровенный парень.

— Что скажешь? — взглянул на него директор.

— Хочу на работу оформиться.

— Садись, коли пришел. Давно в лесу?

— Девять лет.

— Специальность какая?

— Вальщик.

— А откуда приехал?

— Из Катайги.

— Что ж там не пожилось?

— Женился, а жить негде.

— Ладно, давай заявление. На первое время комнату в общежитии дадим, а потом сам стройся. Материалом поможем, транспортом. А все остальное — сам. Согласен?

— Чего ж не согласиться? Строить нам не привыкать. Было б из чего.

— Выберешь на складе, что нужно.

— Это де-ло-о, — протянул парень.

— Ну, если дело, иди оформляйся и завтра на работу.

Когда дверь за парнем закрылась, Алымов с торжеством посмотрел на Геннадия.

— Понял теперь, что такое жилье?

— Постойте, Николай Яковлевич,— оживился Геннадий,—а что за строительный материал вы ему обещали?

— А-а-а, уже навострил уши. Деловой материал. Самый лучший. Прямо со склада готовой продукции. Ты не первый. У меня тут и ревизоры наезжали: «На каком основании отпускаете бесплатно материал для частной застройки?» Я им поясняю — не для частной, а для государственной. Лес наш, материалы наши, а дом для себя строят. И мы им немного приплачиваем за это. «Так это же

противозаконно,— возмущаются ревизоры,— платить частнику за то, что он себе дом строит». Не себе — разъясняю — а леспромхозу, государству. А мы ему в этом доме жилье даем. Пока работаешь у нас — живи. Уехал — сдай дом. И люди довольны, и мы потихоньку проблему решаем.

Алымов, что-то вспомнив, улыбнулся.

— Недавно прибегает ко мне одна хозяйка: «Дай, Яковлевич, кирпича. Дом поставили, а печки нет». А где ты, спрашиваю, печника найдешь. «Это уж мое дело». Иду на следующий день мимо, дай, думаю, загляну. У нас печника и за месяц не добудешь — столько у него работы. Вхожу и глазам не верю — стоит новенькая печка, да так ладно сделана. Выкладывай, говорю, где специалиста нашла?

— «Прослышала у соседки, родственник в отпуск приехал, печи ложить умеет. Я его и уговорила».

Пошел я к этому родственнику. То да се, посидели, выпили, за жизнь порассуждали. И задержался он у нас, а теперь и совсем перебираться думает...

— Ловко вы к себе кадры переманиваете,— заметил Геннадий.

— Хорошо ли, плохо ли, а в кадрах пока дефицита не ощущаем.

Алымов помолчал, хитро улыбнулся:

— Я-то понимаю, что вас мои заботы мало волнуют, вам хочется поскорее узнать мое мнение о канале. Так ведь всегда и общерайонное, и областное, и государственное мы преломляем через свое хозяйство, через свои заботы. Вот недопоставили мне, к примеру, кирпич. Я понимаю, что мог понадобиться на другую, более ответственную стройку. Понимаю умом, а сердцем не могу согласиться. Так и с каналом. В принципе, конечно, такой канал даст огромный толчок в культурном и техническом развитии всего района, а значит, и нашего леспромхоза. И спрямление

Кети безусловно ускорит вывозку леса и сделает ее более экономичной. Но самое главное — поднимется уровень Кети, «подопрет» наши таежные речки, и они будут служить дольше. А увеличить время сплава — значит доставить на нижний склад лишние тысячи кубометров древесины из тайги.

Алымов улыбнулся:

— Выходит, и нам канал нужен...

Глава 3

Ночевали мы в тот вечер в старинном селе Максимкин Яр.

С трудом отыскав в густо переплетенных зарослях вход в протоку, упираясь веслами, как шестами, и подтягиваясь за низкие ветви раскидистых деревьев, вошли в заиленную горловину. Но дальше протока разлилась овальным серебряным блюдом среди привольных заливных лугов, и по лугам бродили стада коров и небольшие табуны лошадей.

Когда мы подходили к Максимкину Яру, опустился уже глубокий вечер и солнце из последних сил удерживалось за верхушки деревьев, за крыши домов, за крутой берег и за редкие облачка, и все это вспыхивало пурпурным пламенем, и гравюрным контрастом рисовались на фоне багрового диска и берег, и поселок на нем.

Луга раскинулись на одной стороне, а другой берег круто взмыл к небу, и с него прямо к воде сбегала тайга.

— Уф, приехали,— сказал Саша, выбираясь из лодки.

Мы с Геннадием пошли выполнять свои обычные обязанности квартирмейстеров. После коротких переговоров с двери местной школы сняли давным-давно незакрывающийся замок.

— Здесь и располагайтесь,— сказала старушка уборщица.

И мы оказались в просторной комнате с тремя дверями и печкой. Одна дверь — общий ход, две вели в классы.

Когда-то на этом яру стояли карамо.
Теперь — поселок Максимкин Яр.

В школе уютно и чисто, и на классных досках написаны мелом так и не решенные на последнем уроке примеры.

И мы с увлечением начали их решать.

— Наверное, вы и есть те самые журналисты? — услышали мы вдруг девичий голос и повернулись к двери.

— А вы хранительница музея?

— Угадали.

— Быстро у вас информация разносится.

— На то и село.

— А сейчас нельзя попасть в музей? — нетерпеливо спросил Геннадий.

— Почему нельзя. У меня ключи с собой. Все приезжие в музей идут.— И грустно добавила: — Единственная достопримечательность нашего села.

— Допустим, не единственная,— сказал Геннадий,— достопримечательностей у вас много и исторических памятников. А дом-музей — самая главная.

Сельские улицы расступились, образовав небольшую площадь, и посреди нее стоял приземистый дом с маленькими подслеповатыми окнами. Он огорожен высоким штакетником, и сбоку от входа прибит к стене выкрашенный под мрамор кусок фанеры: «Здесь жил в ссылке в 1911 году Яков Михайлович Свердлов».

Дверь скрипнула, пропуская в небольшие сени, и уже оттуда, из сеней, вторая дверь вела в комнаты. Первая — большая, с русской печкой посередине, вторая, поменьше, отгорожена от главной фанерной перегородкой. На стенах первой комнаты — фотокопии документов, во второй — лежанка, застланная грубым и тонким суконным одеялом, стол из-под топора и такая же табуретка.

— Давай посидим здесь,— сказал Геннадий.

Я чувствовал, что ему слишком мало познакомиться с небольшой коллекцией фотокопий. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями, очутиться в тех, теперь уже далеких, временах, посидеть за обшарпанным столом и именно за ним почитать письма Я. М. Свердлова, изданные недавно в сборнике «Письма из Сибири».

«Представь узкую комнату в три шага ширины и семь длины, почти то же что и камера в предварилке,— писал Яков Михайлович своей жене 13 октября 1911 года, сидя вот за этим столом, на этом табурете.— По одну сторону — два маленьких оконца, по другую — одно. К одной стене, выходящей на улицу, приделана кровать на манер оди-

ночных нар из досок, далее сундук, столик и бок другого стола у другой стены, рядом с окошком, к другой стороне которого примыкает полочка, на ней лежат мои книги. Стену внутреннюю изображает деревянная перегородочка, не доходящая до потолка, и бок русской печи, затем крохотная дверь, ведущая в хозяйскую половину. Стол, за которым пишу, довольно удобный, покрыт клеенкой. Горит небольшая 7-линейная лампочка. Я уже привык к такому свету, который раньше считал бы слишком скудным. Комната низкая, оклеенная мною снизу доверху газетами. В общем, нахожу ее теперь сносной, иногда и довольно комфортабельной, благо лучше здесь нет ни у кого, не считая попа...»

Хранителям и организаторам мемориального дома-музея так и не удалось полностью воспроизвести ту, свердловскую обстановку. Стены наскоро побелены, на столе ни лампы, ни клеенки...

И такое невнимание к музею было тем более странно видеть здесь, в Максимкином Яре.

Я знал о глубоком уважении жителей к Якову Михайловичу. В одном из своих писем он рассказывал жене: «Никому, кроме меня, не продают молоко, но я добываю, когда мне надо. Мне не отказывают, ибо почти всех перелечил или оказал другие услуги как, например: написал письмо, прошение и т. п., за что никакой мзды не беру, чем до сих пор привожу в изумление всех...»

Поначалу, подогретые проповедями местного попа, жители села не очень приветливо встретили ссыльного революционера. Но поселенец, хоть и был одет по-городскому, даже слишком по-городскому (всю суровую зиму в демисезонном пальто), оказался своим человеком.

И когда в деревне начался голод и Яков Михайлович несколько дней сидел вместе со всеми на пустом чае и ржаном хлебе, из далекого таежного стойбища именно ему послали в Максимкин Яр нарты с продуктами. И Яков Михайлович тут же разделил их с хозяевами и соседями...

Дом-музей Я. М. Свердлова в поселке Максимкин Яр.

И поп, и жандармы не могли предъявить ему никаких официальных обвинений, но они понимали, что в случае чего народ пойдет за большевиками.

И сейчас старики помнят, как собирались в этом доме зимними вечерами. Даже театр организовали.

— Театр?!

— Самый настоящий. Готовили чеховского «Медведя».

Геннадий рассмеялся.

— Поп однажды рявкнул в церкви: «Попали в сети к ловцу человеческих душ».

Поп, говорят, из себя выходил, как узнал про эти вечеринки, а сделать ничего не мог.

— Вот бы в музее об этом рассказать...

— И рассказывали. Раньше, хоть и на общественных началах, а музеем больше занимались.

Создали его по специальному решению Запсибкрайкома еще в 1939 году. Пока суд да дело, пока собирали материалы, началась война. И открыли музей только в 1947 году. В нем хранились уникальные документы. Один из экспонатов — дело жандармского управления на ссыльного Якова Свердлова, на сорока девяти листах. Копии и подлинники всей огромной переписки Якова Михайловича из сибирской ссылки. Много фотографий и фотокопий из личного архива прислала Клавдия Михайловна Новгородцева-Свердлова. Она же организовала в Москве встречу активистов музея с родственниками и друзьями Якова Михайловича.

— А куда девались эти экспонаты?

— Музей в 1955 году закрыли. Энтузиасты поразъехались, а материалы разошлись по всей стране.

В тот вечер мы долго не могли уйти из неказистого домика. Стемнело. И уже нельзя было разобрать ничего ни в комнате, ни за окнами. Мы ощупью вышли на крыльцо.

За селом собирались на гулянье, и оттуда доносился безыскусный перебор гармошки.

Мы смотрели на маленький одинокий домик, исчезавший под черным покрывалом беззвездной ночи. И как-то особенно остро почувствовалась человеческая святость этого места.

— Хочешь, с Сербиным познакомлю? — спросил Геннадий.

— А кто он такой?

— Пошли, узнаешь.

Сербин оказался крепким высоким стариком. Одет он был живописно. Холщовая рубаха с прямым разрезом и отложным воротником, такие же добротные брюки, заправленные в ноговицы. На голове что-то на манер косынки от комаров, но сейчас комаров не было, и косынка откинута назад, как у сестры милосердия первых лет революции.

— На всю жизнь запомнил я тот вечер, когда в нашем доме останавливался Я. М. Свердлов, — говорит Сербин.

— Ну, здравствуй, здравствуй,— кивнул Геннадию,— давно не виделись.

Говорил он чисто, и только разрез глаз выдавал происхождение.

— О Свердлове пришли расспросить? — И не дожидаясь ответа: —Было дело. Я тогда

в поселке Тайном жил, на Анге. Ехали они из Максимкиного Яра в Колпашево, да ночь в пути прихватила. И остановились у моего дяди Фаддея Сербина. Жандарм говорил: «Везем шибко грамотного человека. Он людей сбивает, чтоб царю не верили». Ну, нам, молодежи, интересно посмотреть на человека, который против самого царя насмелился. Сбежались к Фаддею.

Сербин задумался, вспоминая тот давний вечер.

— Куртка на нем была со светлыми пуговицами, очки на шнурочке, бородка небольшая, а волосы густые, черные, как шапка. И лицо усталое. Через много лет показали мне фотографию Якова Михайловича. Узнал, сразу узнал. На фотографии-то веселый, а лицо так и осталось худым. Болел, видать, сильно. Совсем молодым помер...

* * *

На следующий день наша группа в полном составе снова собралась в школе. Мы только что вернулись из Степановки, Альберт и Саша окончили техосмотр подвижного хозяйства. Геннадий взял томик «Писем из Сибири» и прочел:

«...Дело в том, что Максимка, где я проживаю, является остяцкой столицей своего рода, и сюда на «вешнего» и «осеннего» Николу съезжаются остяки со всех юрт по реке Кети и около нее. Во всех домах, а их здесь немного, население увеличилось в 4—5 раз. Не избежал этой участи и дом, в котором я живу. Полно и взрослых и ребят...»

Что же, давайте посмотрим, кто такие «остяки».

По мнению одних ученых, слово остяк происходит от пренебрежительного татарского прозвища — уштяк, что означает грубые, дикие люди. Другие исследователи приводят иные версии...

По берегам Кети, в междуречье Оби и Енисея жили разные по языку и культуре народы — кеты, селькупы, ханты, эвенки.

Вполне возможно, что современные исследования дадут более точное происхождение и самого народа, и его имени. Ведь мнение, что остяк произошло от обидного уштяк, тоже не бесспорно.

Многие утверждают, что состоит оно из двух хантыйских слов «ас» — большая река, и «тях» — человек. «Астях» — житель большой реки.

А жили по берегам Кети люди трудолюбивые и добрые. Их землянки — карамо — расходились полукругом по самой кромке извилистого берега, в точности повторяя его очертания. Посредине — на высоком бугре — самое красивое и просторное богатырское карамо — жилище князька или главы рода. А по краям — сторожевые землянки.

После богатой добычи все население поселка собиралось на площадке у богатырского карамо. Одевались празднично. Головы женщин и мужчин покрыты платками, завязанными на шее у подбородка — защита от комаров и гнуса.

Кстати, этим нарядом всю дорогу пользовался Саша, и, по общему мнению, он очень шел к его опухшему от укусов лицу.

А женщины умудрялись превратить его в украшение, и платья у них разукрашены такой густой вышивкой, что под ней невозможно разглядеть материю. А ее стоит посмотреть. Немного грубоватая, но практичная ткань делалась из крапивы и специально отобранных трав.

Одежда мужчин тоже не лишена изящества. Рубаха с прямым разрезом на груди, с широким отложным воротником, и на обшлагах рукавов — яркий национальный узор. А на голове — шапка из дорогого меха.

Но это уже в честь праздника, и ноговицы в честь праздника. Удобная обувь эти ногови-

цы. Помните, в них был обут Павел Иванович Сербин. Низ из хорошо выделанной кожи, а верх из толстого и теплого сукна.

Итак, мы с вами на празднике по случаю богатого улова. А какой же праздник без шамана! Ох, и разукрашен... Бубен и костюм увешаны разноцветными тряпочками, хвостами соболей, белок, горностая...

Вот шаман, разорвав рыбину, мажет кровью болванчика — дань богу охоты или племенному божку.

А вообще ханты, например, были довольно бесцеремонны со своими божествами. Случалось божку и голодом посидеть, если не угодил хозяину, а то и бывать биту — сам виноват в неудачной охоте или рыбалке, жаловаться не на кого. Да, жизнь у этих святых была далека от божественной.

Но над всеми семейными и родовыми идолами был еще главный бог, облаченный в свет утренней зари и возвещающий свою волю голосом грома и бури. Имя его — Турум (по другим источникам — Торым). Многие исследователи считают его сродни и по имени, и по другим признакам скандинавскому богу Тору и галльскому Таранну. Кстати, сходство не только в именах богов. Ханты по языку относятся к угро-финской группе, а к ней относятся не только финны, но и венгры, и эстонцы... Так что сходство и в названиях, и даже в обычаях вполне объяснимо.

Никто не смеет молиться этому высочайшему божеству, он не внимает даже шаману и руководствуется в своих действиях только непреложными законами справедливости или велениями неумолимого рока. Больше того, любой человек, в каком бы гражданском или духовном сане он ни пребывал, не имеет права совершать в честь Турума ни молитвы, ни жертвоприношения.

В общем, ничего бог: действует по справедливости и не требует приношений. Только отец никудышный — заботу о троих своих

сыновьях и о единственной дочери поручил людям. Кстати, исконно русский святой — Николай-угодник — на проверку оказался средним сыном Турума.

Помните, в одном из писем Я. М. Свердлов сообщает жене, что в свою станицу — Максимкин Яр остяки съезжаются на «осеннего» в «весеннего» Николу. Тот самый Никола и есть. Повезло парню. Сразу две религии причислили его к лику святых. Вот что значит быть угодником. Местные жители переселили его с неба в верховья Оби и заставили покровительствовать охотничьему промыслу (мол, угодник угодником, а без дела болтаться нечего).

Старший сын Турума — Кан-Ики покровительствует людям и живет поблизости от среднего. А у младшего — Инк-Ики жизнь совсем никудышная — его поселили в воде и заставили возглавить самое беспокойное ведомство, покровительствующее рыболовству.

Координаты жительства дочери Турума — Чарас-Най — выяснить не удалось. По преданию, она обитает в той части моря, где оно становится огненным. Под ее руководством убыль и прибыль воды. Поэтому в годы сильных наводнений ханты украшали жертвенные плоты, разжигали на них костры и пускали вниз по течению.

Если плоты попадут к Чарас-Най, она смилостивится и спалит лишнюю воду в своем огненном океане. Тогда можно принести небольшую жертву Инк-Ики и отправляться на рыбалку. В самом крайнем случае, если, несмотря на множество плотов, Чарас-Най все-таки не сжигала лишнюю воду, топили в реке теленка. Но такое случалось редко — зачем отправлять на дно столько вкусного мяса.

И все-таки Чарас-Най пользовалась особой любовью, ведь от нее (а не от Евы) пошли на земле все люди. Значит, как-никак дочь Турума приходится родственницей всем живу-

щим, а к родственникам следует относиться почтительно.

После каждой охоты старикам и инвалидам причиталась лучшая доля. Они могли подождать, когда им ее принесут, могли сами пойти на место дележа и взять самые лакомые куски.

Зато шаманам приходилось довольствоваться добровольными подношениями, и величина их зависела только от авторитета. И если шаман чем-то не угодил своей «пастве», или не смог отыскать потерянную вещь, или ошибся в предсказании результата охоты — ему приходилось влачить полуголодное существование.

Хантыйский шаман был скорее актером, и не только актером, но и врачом, и тонким психологом.

«Богатырю дана сила, а шаману слово. Богатырю принадлежит шум и трубный глас, шаман же обладает тем, чего нельзя ни видеть, ни слышать,— знанием вещей и пониманием причин», говорили ханты.

Шаманская должность не наследовалась. Служитель культа искал преемника — человека худого, болезненного, подверженного припадкам бешенства или падучей болезни, ищущего одиночества, часто убегающего в лес, бодрствующего ночью. И если он находил в своем племени такого мальчика или юношу, то будущность его была решена.

Сначала шаман старался урегулировать болезненные припадки, заставлял юношу пройти школу послушничества. И только тогда приступал к обучению сложнейшему искусству — совершать чудеса. Что бы там ни говорили, а выступление шамана было в высшей степени эмоциональным зрелищем.

Известный географ и путешественник Врангель признавался, что он не мог видеть настоящего шамана без некоторого ужаса и внутреннего волнения, а многие русские,

впервые приехавшие в Сибирь, искренне верили, что шаманы и в самом деле могут совершать чудеса.

И это убеждение нужно прежде всего отнести к универсальным актерским данным служителей культа. И если шаману удавалось держать народ в страхе и повиновении, то только благодаря искусству перевоплощения, искусству подражать голосам всех животных, искусству покорять толпу и подчинять ее своей воле. И среди них тоже были звезды и были бедные актеры, потерявшие ангажемент и влачившие жалкое, полуголодное существование.

Помните, мы знакомились в Алипке с Андрианом Афанасьевичем Делициным. Знаменит он на всю округу не только богатыми уловами. В первые годы Советской власти на Кети возглавлял Андриан Афанасьевич тунгусский сельский Совет.

Так вот, Андриан Афанасьевич Делицин рассказал нам давнюю историю.

— Совсем молодой был. Зоркий был. Вечером в юртах остяцкого шамана хоронили. Утром кричат — шаман улетел. На небо поднялся. Пошли могилу смотреть. Разрыта могила. Бубен здесь. Вещи здесь. Шамана нет. Улетел шаман.

Андриан Афанасьевич смеется.

— Молодой был. Хитрый был. Кругом могилы ходил. Все подмечал. След подмечал. Клочок шерсти на кусте подмечал. Все понял. Медведь шамана откопал, в лес утащил. Большой медведь. Раненый ходил, голодный. Никому не сказал. Нельзя обижать стариков. Пусть так думают. А мы, молодые, к русским ходили. Много у нас ссыльных было. Хорошие люди. Их слушали.

Кстати, медведь — тоже родной братец Николая-угодника, сын Турума и представитель справедливости на земле. И у хантов, так же как у многих других коренных народов Сибири, почитался священным животным.

Однажды в далеком хантыйском селе, что стоит теперь на новой железнодорожной трассе Тюмень—Сургут, наблюдал я прелюбопытнейшую картину.

Сидели мы на крутом бережку. Разговаривали о том, о сем, как вдруг донесся заунывный крик. Через несколько минут крик повторился. Из домов повысыпали пожилые ханты, а молодые, приехавшие из города на каникулы, кто после занятий в техникуме, кто в институте, подсели к нам.

— Сейчас увидите забавное зрелище,— сказали молодые, и у самих глаза горели от любопытства.

А старики тем временем почти по пояс залезли в воду и что-то громко кричали приближающемуся охотнику. Нам сверху было видно, что в лодке лежит туша огромного бурого медведя.

— Что они кричат? — спросил я у паренька.

Тот с удовольствием начал переводить:

— Зачем ты его убил?!

— Горе падет на наши головы!

— Ты убил сына Турума!

Охотник таким же грустным голосом отвечал им, что он вовсе не хотел убивать сына Турума, но тот случайно попал под его пулю, и вот теперь он везет священное тело.

Медведя втащили на высокий берег, занесли в дом, и из открытых окон неслись сначала ритуальные причитания, а потом из трубы повалил дымок и вкусно запахло жареным мясом.

Потом мы снова услышали пение и не могли удержаться от смеха: изрядно повеселевшими голосами старики затянули «Подмосковные вечера».

А на следующий день мы узнали, что «случайный выстрел» охотник сделал после целого дня погони по следу...

В далекие времена у хантов все обставлялось много торжественнее. Охотник, убив

медведя, троекратно оглашал воздух грустными криками. И на крик сбегались все жители юрт. Они отвешивали медведю глубокие поклоны, целовали его в морду.

Потом медведя втаскивали в самое просторное карамо, укладывали на нары и повязывали цветным шарфом, а на голову надевали шапку. А около него ставили сосуд с водой, и каждый, кто омыл в нем лицо и руки, считался прощенным медведем. На этом официальная часть оканчивалась, и начинался праздник.

Появлялась брусника в изящных берестяных туесках, сушеная рыба, орехи... И начиналось веселье. Пели песни, а наиболее искусные рассказывали сказки. У народа ханты сказки короткие, и окончательно умилостивить медведя удавалось только после трехсотой. Чтобы не было подвоха, специальное жюри делало зарубки на длинных палочках, а остальные тем временем угощались лакомствами. В песнях и рассказах высмеивалось охотничье хвастовство, неудачный промысел, несообразительность... И в заключение обширной и разнообразной программы медведя резали на части, варили и тут же съедали.

...Мы стояли с Андрианом Афанасьевичем Делициным на древнем городище. От него остались только глубокие ямы, заросшие травой. И хоть сам Андриан Афанасьевич — эвенк, но всю жизнь прожил с местными жителями и прекрасно знал все древние обычаи и обряды.

К остаткам древнего хантыйского поселения привела нас затерянная в тайге тропинка. Деревья неожиданно расступились, и открылась поляна, и в конце ее, над самым речным обрывом, стоял вкопанный в землю стол, и рядом скамейка.

— Однако, садиться надо. Отдыхать будем. Старый стал,— сказал, усаживаясь на скамейку, Андриан Афанасьевич.

— Так мы ж пока шли, столько карамо пропустили,— упрекнул его Геннадий.

— Знаешь карамо? — внимательно посмотрел на него Делицин.

— Приходилось в раскопках участвовать.

— Хорошо, однако. У нас тоже раскопки делали. Курганы копали. Карамо. Много интересного нашли.

— Говорят, вы помогали ученым?

— Ходил. Много ходил. Показывал, где копать. Большой спасибо говорил самый главный начальник. Потому и прошел те карамо. Шибко раскопали. Ничего не поймешь. Здесь хороший карамо. Деревья нету, кустарник нет, совсем хорошо смотреть.

И он показал на яму, заросшую травой.

— Ходим, а под ногами история,— вздохнул Геннадий.— И какая история!

— Однако, большой история. Целый народ жил. В старые годы, когда молодой был, по тайге ходил, таких поселков много видел. В этой яме дом был.

— Фундамент под дом,— робко вставил кто-то из нас.

— Зачем фундамент. Говорю, дом был. Яма глубокая, ровная. Стенки досками обиты. Над ямой сруб. Потом крыша. Береста или трава на крыше. Земля сверху. Теплый дом. Целый юрты, поселок по-вашему. Баб много, детишек много, рыбы много, мяса много. Однако, хороший жизнь, красивый.

Во время этого красочного рассказа Геннадий сидел на краю ямы и что-то чертил в своем блокноте. Я заглянул через плечо и увидел, как рассказ старого эвенка получает графическое воплощение.

Сначала Геннадий нарисовал большую четырехугольную яму, над ней сруб в три венца, и над этим сооружением крышу с частой решеткой из толстой дранки, потом слой бересты, слой травы и, наконец, слой земли. Получилось довольно красивое и надежное сооружение.

— Так, Андриан Афанасьевич? — протянул он блокнот нашему экскурсоводу.

— Совсем не так. Дымоход — нет, окошко — нет, дверь — нет. Как жить? — он хитро прищурился.— Совсем плохо жить.

Секретарь первого тунгусского сельского Совета Андриан Афанасьевич Делицин.

— Гляди,— он подвел его к яме,— ход видишь?

В самом деле, яма была не идеально ровной. В сторону реки края ее вытягивались, образуя канавку.

— Вот ход,— повторил Делицин, все еще хитро прищуриваясь.— Коридор был. С улицы щитом закрывался.

— А дымоход и окно где?

Делицин взял у него блокнот и начертил на крыше квадратное отверстие.

— Окно есть, дым выходит. Хорошо жить!

Потом мы часто вспоминали эти рассказы с Геннадием Залесовым и находили им подтверждения в старых книгах и в современных исследованиях. И вспоминали Максимкин Яр, который Я. М. Свердлов называл «столицей кетских остяков».

А ведь и впрямь была здесь когда-то столица, по крайней мере, очень крупное поселение. И село увековечило имя одного из князьков — Максимки. Вон на том холме стояло богатырское карамо. Богатырями называли смелых и находчивых.

В одном многотомном старинном сочинении я встретил такое утверждение: «Когда казаки предприняли покорение Сибири, остяки противопоставили завоевателям настоящие армии. Они имели в то время национальную организацию, жили правильно построенными городами...»

Да, когда стоишь на крутом берегу около Максимкиного Яра, когда идешь вдоль остатков древних остяцких карамо, по которым и сейчас нетрудно уловить правильность и рациональность постройки всего укрепленного центра, начинаешь верить этому утверждению.

Холм окружен замкнутым кольцом крутого берега. И если вдоль берега расположить поселение (а оно так и было на самом деле), то холм окажется в самом центре городка. Он как острог, обросший поселками, как неприступный монастырь, окруженный поселениями пашенных крестьян. И по давней, очень давней традиции съезжались сюда на «весеннего» и «осеннего» Николу жители юрт со всей Кети. Даже когда Максимкин Яр потерял свое былое могущество, население его, по свидетельству Якова Михайловича Свердлова, увеличивалось по праздникам в четыре-пять раз.

И, возможно, со временем в Максимкином Яре будет не один мемориальный дом-музей,

а целый исторический комплекс, который расскажет о поселке, история которого уходит своими корнями в глубину веков.

* * *

Утром все готово к отъезду. Вешаем на дверную скобу проржавевший замок и спускаемся к реке. Лодка Саши блестит на солнце идеальной чистотой, чего нельзя сказать о нашей. Несколько ведер воды приводят ее в относительно божеское состояние.

— А мотор? — грозно вопрошает Саша.

Мы стараемся убедить его, что мотор находится в идеальном состоянии.

— Не хватало мне возиться с ним среди пути. До Усть-Озерного больше ни одного поселка.

— Ничего с ним не случится,— слабо протестует Геннадий.

Но Саша непреклонен, и нам приходится отвинчивать тяжелый «Вихрь» и переправлять на берег.

Когда Саша копается в моторе, он не терпит посторонних. «Надо будет — позову, а под руку давать советы — только дело портить».

И мы разбрелись по берегу, чтобы скоротать томительные минуты. Я разглядываю колодцы. В Максимкином Яре необычные колодцы. У них есть ворот с канатом и ведро, а вот традиционной шахты нет. Ведро скользит по канату вниз, под обрыв, и с громким плеском падает в реку, и потом, полное воды, медленно ползет вверх, как вагончик подвесной дороги.

Здесь много странностей: бани, утопленные в землю на манер карамо, и кладовые, поднятые на сваях, чтобы сохранить продукты от мышей, и заборы из толстых бревен...

И снова наши лодки оставляют за кормой вспененные километры. За мотором сидит

Геннадий, а я по установочным знакам веду в блокноте счет километрам. Максимкин Яр на 500-м километре от Колпашево. Значит, отсюда до Новосибирска 1200 километров.

520-й километр.

Разомлевшая Кеть легла в высокую траву. Раскинула руки-рукава и отдыхает сильная, крепкая, спокойная и приветливая.

540-й... 550-й...

Все ближе к каналу. Все чаще по берегам хвойная тайга теснит березы и осины, и они повисают над ярами, заходят по колено в воду.

По берегам сплошные завалы, буреломы. Гибнет лес под стихийным натиском реки. Вот уже и сосны, и кедры толпятся у воды.

560-й километр.

У самого уреза воды почерневшие, искореженные стволы деревьев. Их заносит песком и илом. Через миллионы лет палеонтологи откопают эти стволы и будут удивляться, какие странные росли в этих краях деревья.

Несколько лет назад мы удивлялись, откапывая по берегам Алдана, в вечной мерзлоте, остатки субтропической растительности...

Какими будут эти берега через миллионы лет? А какими будут они через десять, пятнадцать лет?

570-й километр.

Берега похожи на слоеный пирог: слой глины, слой песка, снова слой глины...

На прибрежных кустах, на стволах деревьев засохшая грязь и выгоревший на солнце ил. В разлив вода затопляла даже высокие яры и плескалась у самых корней кедров. Наверное, еще и поэтому не строили коренные жители поселения на берегах больших рек.

Пустынно... 140 километров от Максимкиного Яра до Усть-Озерного и ни одного поселка, ни даже рыбацкой или охотничьей избушки. Поневоле вспомнишь Спафария: «Ре-

Последний вечер на Кети.

ка Кеть зело тосклива оттого, что жилья по ней нет...»

На установочном знаке сразу две цифры: 500—574.

500 километров от истока Кети и 574 до впадения ее в Обь у Колпашево.

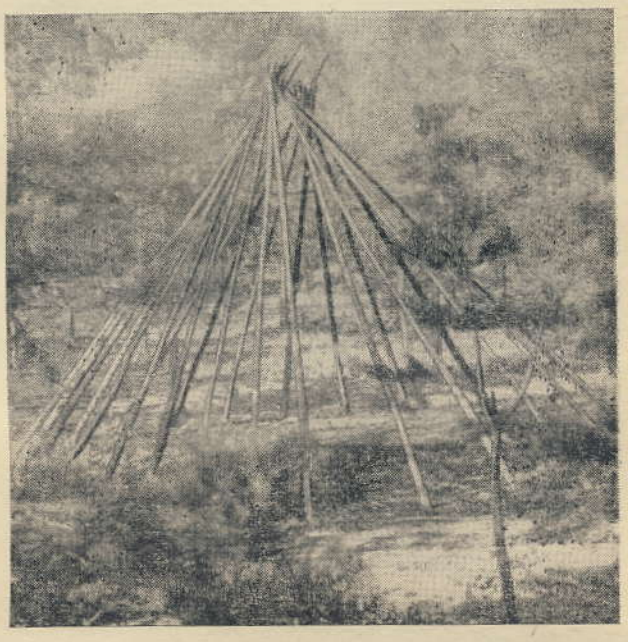
Пройдено больше половины Кети. И половина пути от Максимкиного Яра до Усть-Озерного!

Пристаем к берегу. Наполняем баки горючим из столитровой бочки. Почти полбочки в два бака. Аппетитики у наших моторов!

595-й километр.

Мрачная тайга. Исчезли даже березы и осины.

Скорость предельная. Наша лодка по-прежнему в лидерах, и это, кажется, надоело Александру. По его команде во второй лодке происходит перегруппировка. Альберт и

Всего несколько дней назад семья оленевода перекочевала дальше в тайгу.

Иннокентий пересели с носовой скамейки поближе к мотору. «Обь» резко набирает ход.

— Валера! Давай груз назад! — кричит Геннадий.

И я перебрасываю к корме все рюкзаки и немного откатываю назад бочку с бензином.

— Хорошо! — кричит Геннадий.

Я поднимаю голову и вижу, как мы медленно, но верно уходим от преследователей.

— О-го-го! — несется над пустынной рекой наш победный клич.

625-й километр!

Ура!!! Мы у входа в канал!!!

Навстречу лодка. Тормозим. Обмениваемся приветствиями.

— Куда путь держите?

— На канал.

— Еще одни сумасшедшие. Недавно двое парней из Краснодара пытались проскочить. Оставили два винта и назад вернулись.

— Мы их встретили.

— Что ж назад не повернули?

— Решили попробовать.

— Ну-ну.

— А до Усть-Озерного как фарватер?

— Черт здесь фарватер прокладывал. Сегодня— нормально. Завтра на этом же месте — шпонки как не бывало.

И все-таки мы решили въехать в Озерную и на первых же метрах чуть не сорвали шпонку.

— Я вас поздравляю,— хмуро буркнул Саша,— если в самом начале такие фокусы, что дальше будет?

— Парни из Краснодара прорвались до четвертого шлюза...

— И потеряли два винта...

— Ладно, утро вечера мудренее. Нужно ехать в Катайгу. Бензина на полбака осталось, а в Усть-Озерном не достать.

— Это верно,— буркнул Саша,— назад до Степановки не дотянуть.

— Добровольцы, вперед! — скомандовал Геннадий.

Мы с Кешей сели в лодку. Альберт и Александр решили пока заняться рыбалкой.

Оставляем им рюкзаки, и, не раздумывая,— в путь. Впереди — семьдесят кетских километров, а солнышко клонится к западу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

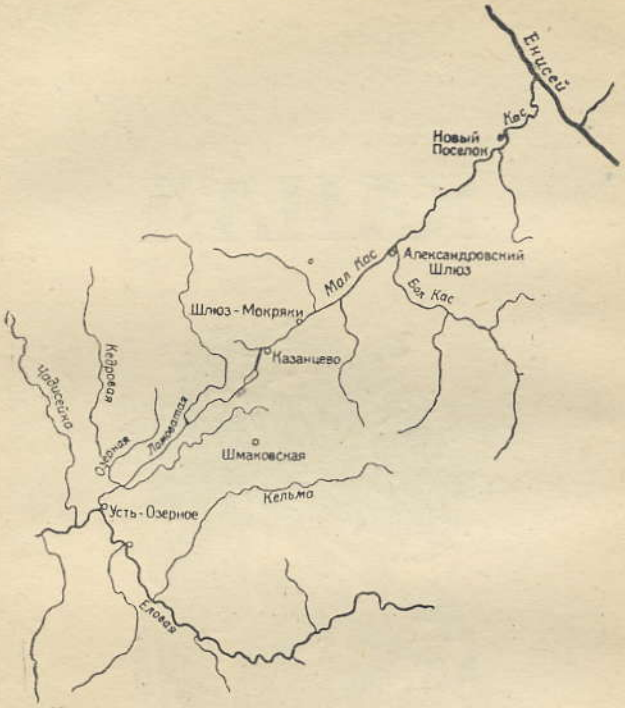
Обь-Енисейский канал сооружен в 1882—91 годах. Система эта связывает судоходную реку Кеть (правый приток Оби) с Малым и Большим Касом, впадающим слева в Енисей. На расстоянии 550 верст от устья Кети начинаются искусственные сооружения канала, в состав которого входят несколько речек и озер.

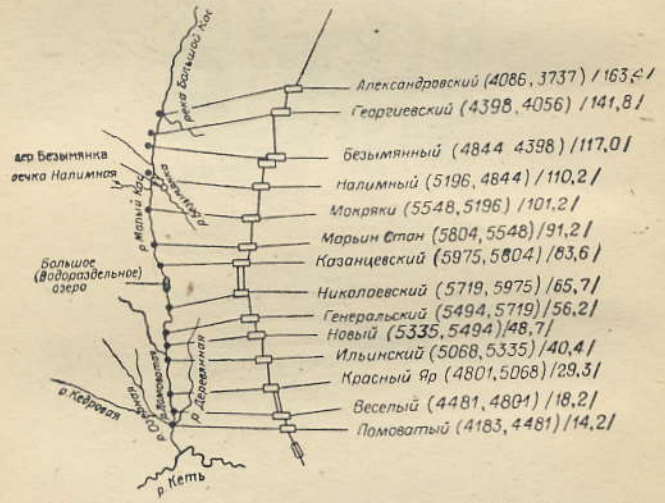
...Большая часть Обь-Енисейского канала представляет глухую, необитаемую тайгу, и движение по нему крайне затруднено...

Большая Энциклопедия.
Санкт-Петербург, 1898.

КАНАЛ

Первая и вторая цифры в круглых скобках — перепады уровней у шлюзов (в см), в прямых скобках — расстояния от устья реки Озерной (в км).

Глава 1

Последнее утро на Кети. Мы сидим на широкой песчаной косе. Удивительно чистый песок, просеянный и подобранный крупинка к крупинке, блестит на солнце. Легко и жарко потрескивает костер, и на нем дымится уха из только что наловленной рыбы.

Прямо перед нами устье речки Озерной. Она впадает в Кеть крутым изгибом, и где-то за этим изгибом — поселок Усть-Озерное.

До сих пор местные жители и речку Озерную, и другие реки Обь-Енисейской системы называют не иначе, как канал. Усть-Озерное стоит уже на берегу канала.

Если вы спешите пройти по каналу — перелистните эту главу,— и сразу очутитесь среди заломов и песчаных отмелей, и будете вместе с нами налегать на шесты и впрягаться в бечеву...

А если не спешите — давайте совершим путешествие во времени. Правда, вместо густого аромата тайги нам придется вдыхать пыльный воздух книгохранилищ. Но без него ветер дальних странствий останется только ветром, и в воспоминаниях осядет пестрое мелькание прибрежных пейзажей. В конце

концов они сольются в один пейзаж трудной дороги, стянутой и перехлестнутой вдоль и поперек сибирской тайгой. Это прекрасное ощущение! И только...

По-моему, побить рекорд скорости или рекорд трудности или еще какой-нибудь из бесконечных туристских рекордов — не столь уж большая заслуга. Мне, например, по душе неторопливые, обстоятельные маршруты, когда можно вдоволь полюбоваться неповторимыми сибирскими пейзажами, подождать выгодного освещения для фотокадра или посидеть на бугристой таежной поляне, на месте некогда оживленного поселка и повести мысленный разговор с его жителями, порасспросить о житье-бытье в дальние от нас времена...

Наши предки не спешили ни в делах, ни в мыслях, ни в разговорах. И делали все не торопясь, обдуманно и на века... И если пускались в путешествие, то возвращались с обстоятельными рассказами о жизни незнакомых народов и о новых землицах. И уходили из Центральной России в Сибирь целыми поселками не вдруг, не с бухты-барахты. Сначала крестьяне направляли нескольких смекалистых мужичков на новые места и ждали их возвращения, а потом в самой большой избе дымили самосадом, дотошно выпытывали ходоков и много вечеров судили да рядили. Случалось и новых ходоков снаряжать, а прежние и биты бывали за верхоглядство...

Так вот, не торопясь, и освоили всю Сибирь. Так зачем же нам проноситься по земле предков стремительным ураганом? Нужно когда-то выйти и посидеть на завалинке сибирской избы вместе с мужичками из прошлых столетий, поговорить с ними...

Давайте попробуем, прежде чем войти в канал, познакомиться с его историей.

Сделать это непросто. До сих пор нет обобщенного каталога по истории Сибири.

Великое спасибо от людей самых разных профессий получил бы человек или организация за сводный каталог по истории Сибири с указанием городов, библиотек и архивов, где можно найти нужную книгу, статью или документ.

Наверняка есть еще много книг, газет и журналов, в которых упоминается Обь-Енисейский канал, и я заранее благодарен людям, которые помогут мне в интересном поиске. А пока придется ограничиться тем небольшим количеством книг, статей и воспоминаний, которые мне удалось найти.

* * *

Началось это... В самом деле, когда это началось? Наверное, со времени первых казацких дружин, которые уже в начале XVII века проникали далеко в глубь междуречья для сбора ясака, для покорения и усмирения местного населения по Кети и ее притокам... Нет, раньше.

Этот путь открыли ханты и пользовались им для поддержания родственных и торговых связей на обширной территории.

О соединении Оби и Енисея поговаривали еще в царствование Екатерины II. Но только в 1797 году лег на стол министерства путей сообщения проект иркутского генерал-майора Новицкого.

Путь, предложенный Новицким, проходил по рекам Тыму (приток Оби) и Сыму (приток Енисея). Немедленно последовало высочайшее повеление об исполнении «сего проекта» под главным наблюдением директора водных путей Сиверса. Но первая изыскательская партия появилась на водоразделе лишь в 1810 году, после создания X округа путей сообщения.

Учредили его в 1809 году для скорейшего решения самых насущных проблем Сибири:

— найти путь из устья Оби к Архангельску, минуя Обскую губу;

— подготовить проект наиболее рационального пути из Камы через Уральский хребет в реку Тобол. Иначе говоря, соединить бассейны Волги и Оби;

— подготовить проект и произвести изыскания для соединения Оби и Енисея «посредством Кети»;

— представить соображения по соединению Ангары или Верхней Тунгуски с Леной.

Одним словом, перед X округом путей сообщения ставилась поистине грандиозная задача — создать проект водного пути, который соединил бы Центральную Россию с важнейшими районами Сибири.

Если перед вами современная транспортная карта Сибири, то мысленно отбросьте все железнодорожные, воздушные и даже шоссейные магистрали. Единственное, что, пожалуй, можно оставить,— узенькую полоску Московского тракта.

А теперь взгляните на огромное, поистине необозримое пространство от Уральского хребта до Тихого и Ледовитого океанов.

Да, истерзанный колдобинами Московский тракт был тогда единственной дорогой из Центральной России в Сибирь. По нему ездили государственные чиновники и купцы, по нему перегоняли партии ссыльных, шли регулярные войска для защиты новых границ империи, наконец, он был единственным «чайным» путем.

Ведь именно Россия, страна, где никогда не рос чай, прославилась на весь мир своими самоварами. Тысячи тонн нежного и объемного товара везли из Индии и Китая через Сибирь на тележных повозках, по раскисшим колдобинам Московского тракта. И каждый автор проекта Обь-Енисейского водного пути непременно обещал и государству, и купцам огромные прибыли на перевозке чая.

И еще обратите внимание на сибирские реки. От Уральских гор до Тихого океана, от

степей Казахстана до самого Ледовитого океана раскинули они свои голубые дороги. И если карта у вас достаточно подробная, то вы заметите, как близко сходятся притоки главных сибирских рек не только между собой.

Всего несколько десятков километров отделяют притоки Иртыша от притоков Камы, а Кама впадает в «главную речную улицу России» — в Волгу. Всего в трех местах прерывается непрерывная голубая дорога от Каспийского моря до Тихого океана. Всего в трех местах! У Уральского хребта, в междуречье Оби и Енисея и за Байкалом, между Селенгой и притоками Амура.

Получить дешевую и надежную дорогу в неразвитую колонию, куда завозилось все — от гвоздя до громоздких машин, от предметов роскоши до предметов самой первой необходимости, было делом чрезвычайно заманчивым, сулившим большие удобства и доходы. И правительство возлагало большие надежды на специальный X округ путей сообщения.

К сожалению, возглавил его полковник Риддер, человек или неспособный к выполнению столь ответственной задачи, или, скорее всего, больше озабоченный личными, чем государственными, проблемами.

В одном и том же 1811 году Риддер предлагает правительству сразу три варианта соединения Оби с Енисеем. С одним из них, проектом генерала Новицкого, мы уже познакомились. Именно на Тым и Сым была направлена одна из первых изыскательских партий.

Узнав, что ханты, природные рыбаки и охотники, давно освоили междуречье и на своих легких обласках запросто перебираются с притоков Оби на притоки Енисея, особенно во время весенних разливов, Риддер, не задумываясь, делает вывод: «...к соединению удобно».

И в том же 1811 году он сообщает, что посланная им экспедиция под руководством инженера Полозова сделала «местное обозрение Маковского волока и протекающих между Обью и Енисеем рек». И выдвигает два новых варианта Обь-Енисейского пути: Кеть — Согур (приток Енисея) и Кеть — Малая Песчанка — Большая Песчанка — Согур.

Совершенно ясно, что, получив столь сбивчивые известия, министерство путей сообщения потребовало от Риддера «лично удостовериться в удобстве предлагаемого пути» и прийти к какому-то единому решению.

История умалчивает о личных подвигах полковника на водоразделе Оби и Енисея. Был он там или не был, о том свидетельств не сохранилось. Но через год после грозного и справедливого окрика из министерства Риддер прислал собственный проект, в котором он соглашается с выводами инженера Полозова относительно соединительного канала Кеть—Малая Песчанка—Большая Песчанка—Согур. К проекту была приложена смета на 950 тысяч рублей. Но при этом оговаривалось, что смета сия приблизительная, ибо съемка на реке Согур еще не сделана, а Кеть (в верховьях) требует «многих исправлений по ее мелководью». Каких именно «исправлений» Риддер не сообщил, зато предложил для экономии строить канал силами ссыльных. Но, несмотря на столь «блистательную» находку, совет министерства путей сообщения проект не принял и строго указал Риддеру, что он направлен в Сибирь для изысканий и, «встретив на одной линии значительные препятствия», должен искать другую.

А проект генерала Новицкого, так браво одобренный начальником X округа, был впоследствии полностью отвергнут из-за слишком малых сроков навигаций на северных реках.

Но Риддер не унывает. В январе 1813 года у него родился новый план соединительного пути «рекою Вах и далее по десятиверстному волоку... по ровной луговой местности на реку Черную, приток Елогуя», и он просит у министерства разрешения командировать экспедицию для исследования этих мест.

Разрешение пришло быстро, но еще быстрее сам полковник разочаровался в собственном проекте, «в связи с пустынностью тех мест».

На этом деятельность Риддера и вверенного ему округа практически можно считать законченной. Из отчетов за следующие годы видно, что съемка и нивелировка возможных вариантов соединительного пути «за недостатком инженеров проведены быть не могли». А в 1822 году X округ министерства путей сообщения упразднили.

Итак, первая попытка проложить транссибирский водный путь окончилась неудачно.

Прошло 25 лет... И снова упоминание о необходимости соединительного пути между Обью и Енисеем. На сей раз в отчете сенатора Толстого о ревизии Сибири:

«Кроме огромного сохранения провозных издержек,— писал сенатор,— кроме величайшей государственной пользы от дальнейшего развития торговли нашей с Китаем, от усиления таможенных доходов и распространения сбыта наших мануфактурных товаров, самая нужда края, обеспечение народного продовольствия Восточной Сибири и, наконец, содействие к дальнейшему развитию золотопромышленности решительно требует устройства водяного сообщения Обской системы с Енисейской».

Исконные сибирские товары — хлеб, сало, кожи, воск, лен, рыба — пользовались необычайно большим спросом, но отсутствие дорог сдерживало их поставку на внутренние

и внешние рынки, и, конечно, без удобных и дешевых дорог не могло быть и речи об использовании богатейших рудных запасов края.

В 1843 году создается «Комитет для начертания общего плана водяных и сухопутных сообщений в империи». И вновь среди его главных задач — создание транссибирского водного пути.

Поначалу комитет развернул бурную деятельность и даже собрался направить изыскательские партии для проверки проектов X округа путей сообщения. Собирался, да так и не собрался, хотя скопил в своих папках много вариантов Обь-Енисейского водного пути.

В одном из них полковник Латраверз из Иркутска предлагал соединить левый приток Оби — Васюган — с рекой Туй, впадающей в Иртыш. Этот путь на 500 километров сократил бы расстояние от Нарыма до Тобольска. Но сам Латраверз оговаривался, что его предложение имеет смысл только после сооружения Обь-Енисейского канала. Однако, по расчетам комитета (а он пользовался устаревшими даже для того времени данными о скоростях речных судов), после сооружения Обь-Енисейского и Обь-Иртышского каналов на путь от Иркутска до Тюмени, без учета встречных ветров, понадобится не меньше ста дней. А значит, транспорт, отправившийся из Иркутска в мае, придет в Нижний Новгород уже после закрытия осенней ярмарки. Эти расчеты и решили участь всех проектов.

* * *

И тогда сибирские купцы (не в пример правительственным чиновникам они великолепно понимали выгодность прямого пути из Оби в Енисей) сами решили попытать счастья.

В 1871 году купец Бутыркин, один из учредителей пароходства по Байкалу, организовал специальную партию под руководством инженера Бельцова для исследования Обь-Енисейского пути по притоку Оби Чулыму. Однако экспедиция пришла к выводу, что большая разность горизонтов рек и мелководность самого Чулыма потребует непомерно больших и дорогих гидротехнических сооружений.

Казалось, что весь водораздел пройден вдоль и поперек, и уже появились варианты сухопутного соединения Оби и Енисея, когда совершенно неожиданно енисейский купец П. Е. Фунтосов (в некоторых источниках Фунтусов) узнает из рассказов местных жителей, что весной озеро Кал-то так разливается, что соединяет реку Чаррей-Кыкке (система Кети) и другую реку, впадающую в Енисей.

Летом 1872 года Фунтосов посылает на водораздел небольшую изыскательскую партию. Так и есть: в разлив озеро, переименованное русскими в Большое, а потом в Водораздельное (так и осталось оно до наших дней с двумя названиями), соединяет реки Язевую и Малый Кас (названия рекам тоже даны участниками экспедиции Фунтосова), и местные жители весной беспрепятственно путешествуют на лодках из Кети в Енисей. Больше того, местные жители утверждали, что озера Большое (из которого вытекает Язевая) и Касовское (где начинается Малый Кас) вовсе не разные озера, а светлые окна в огромном болоте и что во время разлива болото это очищается и становится судоходным, а летом снова мелеет, зарастает сетью водорослей, оставляя только несколько светлых окошек.

Само по себе это сообщение интересно совершенно неожиданной подробностью — если на водоразделе есть место, где сходятся притоки Енисея и Кети, а значит и Оби, то

сама природа подсказывает путь Обь-Енисейского канала.

Окрыленный первым успехом, П. Е. Фунтосов на следующий год организует вторую экспедицию на водораздел. На этот раз партия состояла из десяти рабочих и одного проводника-ханта. Возглавлял ее поверенный енисейского купца некто Захаров.

Путевой журнал экспедиции с глазомерной картой маршрута рассказывает, что она без труда прошла от устья Озерной до Енисея за десять с половиной суток.

Получив неоспоримое доказательство, П. Е. Фунтосов направил проект Обь-Енисейского канала в министерство путей сообщения, сообщив при этом, что жертвует 10 тысяч рублей серебром в награду капитану, который проведет пароход из Оби в Енисей.

Проект понравился специалистам, и 10 апреля 1875 года министерство путей сообщения командирует две рекогносцировочные экспедиции. Одну, под руководством инженера путей сообщения барона Аминова (запомните эту фамилию!), для обследования стоящих на пути в Иркутск и дальше в Китай ангарских порогов. Другую, под руководством инженера путей сообщения капитан-лейтенанта А. Сиденсера,— для исследования пути отряда Фунтосова. Второй экспедиции предписывалось провести глазомерную съемку всего пути, обратить особое внимание на ширину рек, на их изгибы, на характер берегов и скорость течения рек... Одним словом, программа экспедиции А. Сиденсера говорила о серьезном подходе к делу.

Но сначала о партии барона Аминова.

На пути транссибирской водной магистрали стояли опасные пороги на реке Ангаре, неподалеку от Братского острога. Правда, через них из Иркутска прорывалось ежегодно примерно 25 судов с грузом до 150 тысяч пудов, но многих храбрецов лишили эти пороги состояния, а то и жизни.

Барон Аминов докладывал по возвращении, что на ликвидацию порогов требуется полтора-два миллиона рублей.

Заметим кстати, что, несмотря на многие попытки ликвидировать ангарские пороги, они так и продолжали стоять на пути сибирских капитанов вплоть до наших дней. И только сооружение Братской ГЭС позволило раз и навсегда забыть о них. Отныне путь от Енисея до Байкала и Селенги свободен!

Теперь мы присоединимся к капитан-лейтенанту А. Сиденсеру.

Выехав 18 мая из Петербурга, экспедиция только к 25 июня добралась до Енисейска.

С первых же дней на Сиденсера обрушилась масса забот и хлопот. 18 июля от Маковской пристани вниз по Кети отошла небольшая эскадра легких лодок. Восемь гребцов из местных крестьян налегли на весла, и лодки взяли курс к устью реки Озерной, к песчаной косе, на которой расположились мы с вами в начале этой главы...

Весла, известно, не мотор «Вихрь», на них на глиссирование не выйдешь, да и Кеть в те времена была порядком забита карчами... Одним словом, к устью Озерной экспедиция добралась только вечером 25 июля. Всю неделю созерцал Сиденсер пустынные берега.

«Ниже Маковского встретились только две небольшие русские деревни Ворожейкина и Лосинобродский монастырь, от которого в настоящее время осталась только небольшая часовня» — записал он в дневнике.

Сейчас обжитых мест в той стороне тоже немного, но зато поселок Катайгинского леспромхоза обещает стать скоро настоящим таежным городом, если, конечно, не оправдаются скептические прогнозы специалистов треста «Томьлес» о более чем скромных запасах деловой древесины в округе. И тогда, кто знает, может, и создадут на Кети первое

государственное промысловое хозяйство со столицей в Катайге?

Войдя в устье реки Озерное, экспедиция обнаружила, что «на протяжении около 200 сажен она усеяна мелями, и среди них извивается фарватер глубиною от 1 до 5 футов».

Именно на этих «входных мелях» Сашина лодка чуть не потерпела первую крупную аварию. Но, в отличие от нас, экспедиция тем же вечером добралась до небольшого хантыйского поселка в полутора верстах от устья.

Местные жители поведали Сиденсеру много неутешительного относительно дальнейшего пути, и прежде всего о «малой воде» в середине лета, и о заломах на всем пути, обходить которые придется берегом, прорубая себе и лодкам путь в буйных зарослях береговой растительности.

Это известие было и для нас малоутешительным: ведь мы собирались пройти по пути А. Сиденсера примерно в то же время. Но Сиденсер в селе Маковском нанял проводника, а после Усть-Озерного в отряде их стало двое. К тому же отряд заменил большую лодку, в которой везли провизию, на «два остяцких челнока», а о замене наших дюралевых кораблей нечего было и думать.

Да, для Сиденсера это был нелегкий путь. С первых километров пришлось перетаскивать лодки через наносные мели, прорубать обходные просеки в таежных зарослях и следить в оба, чтобы не напороться на обломанный ствол, наполовину завязший в донном песке и ощетинившийся острыми зубьями.

Озерная, по утверждению А. Сиденсера (замысловатое название этой речки на местном наречии он так и не запомнил), образуется от слияния трех речек: Кедровой (Масынбай-Кэ), Деревянной (Педы-Кэ) и Ломоватой (Лай-Кэ).

Здесь у Сиденсера неточность: Озерная течет сама по себе из болот, Ломоватая впадает в Деревянную, а та, в свою очередь, в Озерную. Экспедиция, следуя по пути, указанному Фунтосовым, повернула в Ломоватую.

Отныне мы будем пользоваться только русскими названиями еще и потому, что землепроходцы умели очень точно подмечать главное свойство реки, ее самую характерную черту. И Ломоватая как нельзя лучше соответствует своему названию.

«По всей длине встречаются очень часто подводные карчи, но самое большое затруднение представляют так называемые «ломы». Беспорядочно сгрудившиеся стволы таежных гигантов перегораживали реку, и заломы эти поднимались выше берегов. «Продвигаться вперед на веслах можно было только от четырех до пяти часов в день, а остальное время уходило на обходы».

31 июля экспедиция вошла, наконец, в речку Язевую, правый приток Ломоватой, и сразу же столкнулась с новым препятствием.

Если до сих пор они плыли вдоль высоких, поросших тайгой, берегов, «то здесь (берега. — В. Т.) сразу же стали низменными, болотистыми, поросшими болотною травой и мелким кустарником». К тому же речка оказалась настолько извилистой, что в ней с трудом поворачивались даже короткие обласки. И, в довершение всех бед, местами Язевая до того мелела, что приходилось перетаскивать не только экспедиционные лодки, но и легкий обласок проводника. Кое-где Язевая и вовсе исчезала в зарослях болотной травы.

Но речка оказалась великодушной. Чем выше поднималась экспедиция, тем берега все больше и больше раздавались вширь, глубина увеличивалась до девяти футов, и сама река заметно спрямлялась. И тогда Сиденсер заметил, что «вода в ней совершенно прозрачная, тогда как в тех двух — мутная, желтого цвета», и что стоит прекрасная погода и красота кругом неописуемая.

— Как не знать...

...Три дома открылись сразу. Один — ладный, высокий, сработанный добротно и богато, другой — под стать первому, но свежий,

Не просто мостик, а гидропост.

с резким запахом смолы, под тесовой крышей и с пустыми прямоугольниками окон. На высоком крыльце первого дома голосила пьяная компания.

— Родственнички приехали,— бросил Корнилов.— По ту сторону озера живут. Жена-то у моего Иосифа оттуда.

На крыльце недостроенного дома сидели несколько рабочих. Курили. С любопытством поглядывали на подвыпившую компанию.

— Добрый вечер, хозяин,— уважительно поздоровались с Корниловым.— Никак гостей встречаете?

— Земляки ваши,— не останавливаясь, сказал Николай Семенович,— из Новосибирска.

— Ближе плотников не нашлось? — удивился я.

— Где их сыщешь. От жилья до жилья двое суток хода. А жилье — один дом. Срок мне подошел на пенсию идти. Хотели было пост совсем ликвидировать, да попал он на какую-то международную карту. Приняли на работу Валентину, мою дочь. Для нее и дом строят.

— А она с вами?

— Живет-то с нами. Только нет ее сейчас. Глаза заболели — в Одессу поехала лечиться. В филатовскую клинику. За нее пока на посту управляюсь. Дело привычное — двадцать с лишним лет наблюдателем. Тут и дети родились, тут и выросли. У Иосифа уже своя дочка растет.

— Говорят, в старину семья ханта здесь жила. Не застали?

— Слыхать приходилось, Николкой самого-то звали. В честь него и шлюз наш — Николаевский. А гидропост наш еще строители канала учредили.

Корнилов показал на покосившуюся избенку с обгорелыми стенами.

— Мои хоромы.

— Пожар был?

— Случилось однажды. Вовремя хватились, а то хоть под чистое небо. Вокруг ни души: Иосиф по ту сторону озера жил. Недавно свой дом перевез. По нашим местам три дома — поселок.

— Да, места у вас не людные.

— Медведи ходят,— вздохнул Альберт.— Один километров десять нас провожал.

— Далеко отсюда? — оживился Корнилов.

— За протокой, на той стороне.

— Мой, должно быть.

— ???

— Мы с ним старые знакомые. Частенько в гости захаживает. Обходительный медведь. Чтоб скотину тронул или напакостил — никогда. Однажды только побаловал, видно, голод прижал, а во дворе у меня бочка с соленой рыбой, вот он ее и учуял. И ведь до чего сообразительный — через забор не полез, калитку нашел. Слышу, собаки заливаются. Взял ружье, вышел. А ночь лунная, яркая. Оглянулся, мишка меня увидел, и бегом в тайгу. Я к бочке, ругаюсь — не иначе все разворочал. Нет, смотрю, аккуратно взял. Только доски сверху разбросал.

Корнилов улыбнулся:

— Мы с ним нет-нет, да встретимся. Посмотрит, рявкнет приветливо и уходит. Я ему за изгородью что-нибудь оставляю. Он и за вами шел — должно, думал, не перепадет ли какое угощение. А может, другой какой. Их тут много ходит. А чтоб на человека напасть — никогда. Мирный зверь, коли в него не палить. А кому палить-то? Мы больше за мелким зверем охотимся, за пушным. С медведя толку мало: девять рублей за шкуру приемная цена. Только себе неприятности. Он ведь мирный, пока не тронешь. А как подранишь — хоть съезжай. Раненый зверь до человека злой. Его тоже понять нужно.

— Мы-то не знали, что они у вас такие мирные.

— Это верно. Тайга она и есть тайга. Поберечься не мешает. Лихачам у нас худо. Того гляди сам погибнет и других в беду втянет. Потому и смотрим документы, чтоб никто не шатался. У нас каждый человек на учете. Другой и сам забыл, что проходил этими краями, а мы помним. И если какой вред тайге или зверю причинит — пусть на хорошую встречу не рассчитывает.

Мы помогли хозяину сметать в стога просохшее в валках сено, а потом долго стояли на берегу шлюза, наслаждаясь вечерней прохладой, и слушали шум воды.

— Куда от такой благодати уедешь? — тихо сказал Николай Семенович.— Сам-то я из Москвы. У отца магазин мануфактурный был. Богато жили. Помню, один купец посреди двора фонтан из шампанского устроил, а по краям фонтана развесил серебряные ковши. Мы победнее, но тоже не отставали...

И мне показалось, что я слышу в его голосе какую-то глубокую, видно очень давнюю, тоску.

— Жена у меня первая была из благородных. Музыкантша. Окончила училище Гнесиных. А я больше оперетку любил. Тащит меня, бывало, на Собинова в Большой театр. Слушал я Собинова, и Качалова видел, как вас сейчас. Не нравился он мне. Манерно читал, громко, а души нет.

Он и сейчас, вспоминая давно прошедшие времена, держался прямо и чуть надменно.

— Потом пристроился в первой советской текстильной фирме. Отец крепко выучил. Только, бывало, на материю взгляну, скажу, какая, сколько стоит, а пощупаю да спичкой пожгу — тут и завод определю, и фамилию фабриканта. В текстильном объединении в тканях мало кто смыслил. А тут нэп. Опять цыгане, оперетка... Группа у нас образовалась под видом спортивного общества.... Судить не судили. Покрупней фигуры под суд пошли, а нас сюда. По тем временам легко отделались.

Голос у Корнилова повеселел:

— Недавно ездил в Москву. На месте нашего магазина — новый стоит, в несколько этажей. А дом цел, недалеко от бассейна «Москва». Сестра жива. Звала. А какая мне сейчас Москва? Отвык от больших городов. Пенсию дали. Дочь гидропост приняла, сын — охотник.

Помолчал.

— Ишь, лес-то как во сне ворочается, а в речке рыба плещет. Тут и жизнь наша.

Корнилов вздохнул.

— Поначалу сильно тосковал. Всего пришлось: и рабочим, и в колхозе, и плотничал, и сапоги тачал... Здесь и жену нашел. Детей вырастили. Хорошие дети, здоровые. В городе таких не вырастишь.

Корнилов рассмеялся:

— А продукты-то в Москве в кульках покупал. Смешно. Мы все мешками да ящиками. Когда сами съездим, когда вертолетом забросят.

...Домик у Корниловых маленький, с большими летними сенями. В сенях широкий топчан за расшитой занавеской и такой же широкий гладкотесаный стол. А на нем... Соленые и маринованные грибы и грибочки, ягода всех сортов и способов приготовления, набор молочных продуктов в запотевших (только что из ледника) кринках. И мясо... От жестковатой сохатины до нежной дичи...

— Кушайте, гости дорогие. Не обессудьте. У нас все по-простому, по-крестьянски,— то и дело напевно приговаривала хозяйка.

И, как все сибирские хозяйки, она пристроилась сбоку и почти не притрагивалась к еде, а все рассказывала, как нашел ее Коленька и как жили они вместе сначала в поселке, а потом сюда переехали.

— Иосиф, первенец наш, под зиму родился, а тут пора на охоту идти. Сплели кошелку и таскали его по очереди за спиной. Выстрелов не боялся. Привык к выстрелам и переходам.

— Вечером поставим палатку, воды из снега натопим для купания, посильнее разожжем костер. Жарко, как в бане. А под утро мороз, голова к подстилке примерзает, а он спит хоть бы что.

— И никакая болесть не брала.

Вошел Иосиф. Присел на лавку. Отец строго посмотрел на сына: мол, нечего детям во взрослые разговоры мешаться. Коротко бросил:

— Завтра ребят через озеро повезешь.

— Ладно,— согласно кивнул головой и вышел.

А мы просидели всю ночь. Хозяин с хозяйкой каждой новости рады. О политике поговорили, о жизни. Москву вспомнили. Утро уже высветило небольшое оконце, когда спать пошли.

Нас, гостей, уложили в крохотной комнатке, чистенькой и светлой.

— Культурно живут,— вспомнил я слова Юры Васильева о Корниловых.— Всю тайгу обойди, другого дома с такой чистотой не встретишь.

А утром горячий завтрак. Когда только успела хозяйка!

— И, что вы,— пропела удивленно,— как можно в дорогу без горяченького.

И снова вспомнил слова Юры Васильева:

— У них весь дом на хозяйке держится.

Николай Семенович вышел перед самым отплытием. Пожал каждому руку.

— Ты смотри не задерживайся,— бросил Иосифу,— сегодня же и назад.

* * *

Язевая — красивая река, если смотреть со стороны: по воде широкие сочные листья кувшинок и цветы. Но гибкие стебли наматываются на винт, и мотор хрипит, словно на горле его затягивают петлю. И тогда глушили моторы и снимали с винта длинные стебли с нежными цветами. Они беспомощно свисали с грубых ладоней и пестрой стаей летели к берегу.

Мы ехали на второй лодке и видели, как первый кормчий то и дело свешивается за корму, очередной букет летит к берегу. Иосиф тоже освобождал вал, не сбавляя скорости.

Так ехали мы несколько часов, пока вдали не показалась широкая тарелка Водораздельного озера.

Оно действительно большое, ровное и сплошь покрыто черными оспинами.

— Что это? — спросил я у Иосифа.

— Дно,— невозмутимо ответил он.

— Какое дно?

— Обыкновенное. Озеро-то вроде и не озеро, а болото, только вода сверху. Вот дно и вылазит.

— А что за коридор из шестов?

— Ориентиры. С пути собьешься, пропасть недолго. Попробуй сам.

Я взял весло и попытался оттолкнуться, но никакого упора не почувствовал. «Что за чертовщина»! Нажал посильнее, и весло мягко погрузилось почти до половины.

— Теперь понял? — ухмыльнулся Иосиф.

— А если мотор откажет?

— Скоро увидишь. Вода нынче малая, на моторе через все озеро не пройдем.

И действительно, едва перевалили середину озера, как мотор завыл сильно и жалобно, и за кормой взвился бурый гейзер.

— Приехали!

И мы по привычке полезли за борт.

— Куда! — заорал Иосиф.— Рехнулись что ли!

Ошарашенные неожиданным окриком, мы откинулись с борта в глубину лодки.

— Ухлете в трясину — мигом затянет.

С каждым взмахом к веслу прилипало несколько килограммов грязи, а лодка почти не двигалась.

— Так до вечера к берегу не доберешься,— тяжело вздохнул Иннокентий.

— Это еще цветочки.

Лодка все-таки подавалась вперед. Иосиф потихоньку запустил мотор — пошло вроде, хотя из помпы хлестала сплошная серая масса.

Противоположный берег надвигался неумолимо, и мы видели, что передняя лодка

уже выключила мотор и ее пассажиры всеми подручными средствами копошатся в вязкой грязи. Иосиф дал полные обороты, лодка с ходу врезалась в серое месиво, и мы то-

И сразу за Водораздельным озером — пограничный столб, поставленный еще строителями канала. Справа — Томская область, слева — Красноярский край.

же стали барахтаться веслами и досками сидений, будто въехали в огромную тарелку с жидкой и вонючей кашей. И вокруг, насколько хватал взгляд, растеклась эта каша, и в одном месте просматривалась узкая горловина с чистой водой.

— Канал,— кивнул Иосиф на горловину.

До канала было метров пятьсот-шестьсот, и часа через два под носом лодки зажурчала чистая вода. Съехались. Закурили. Огляделись вокруг.

На берегу свежее кострови́ще, таган, перевернутый обласок...

— Отец, должно, утром рыбачил,— сказала жена Иосифа.

— Должно он, больше некому.

— Пристанем к берегу.

— Ребятам еще до Феди Медного добираться.

— Успеют. От нас до его гидропоста верст десять.

— А дорога как?

— Известно дорога: вдоль берега тайгой да кустарником.

— Нынче к нему не ходили?

— Не получалось. В прошлом году, кажется, случай у отца был.

Нырнув под раскидистую березу, выскочили в широкую заросшую канаву с отвесными берегами — единственный на всем пути искусственный канал из озера к Малому Касу. Другие прокопы только спрямляли извилистость речек.

Помните, сколько споров было, где, как и какой глубины рыть прокоп? С него и началось строительство Обь-Енисейского канала. Сюда пришли первые рабочие, чтобы соединить водоразделы Оби и Енисея. Он так и остался в первоначальном варианте, для средних судов.

— Во-он пограничный столб,— показал на берег Иосиф.

Над обрывом, подавшись к реке, стоял пограничный столб, и корма лодки была еще в Томской области, а нос — в Красноярском крае. На момент лодка замерла и затем плавно перевалила границу Западной и Восточной Сибири.

Мы обменялись радостными взглядами. Теперь совсем немного, и мы на Малом Касе. Полторы тысячи километров взбирались по рекам Западной Сибири, теперь нам предстояло преодолеть почти такое же расстояние, но уже вниз по течению.

А вот и Казанцевский шлюз, и небольшой домик на берегу.

Нас приглашают остаться, подождать обед.

Где там, разве удержишь! Мы согласны заночевать на берегу, среди болот, пусть в самом неподходящем месте, но только на берегу Малого Каса.

Простившись с радушными попутчиками, взваливаем на плечи рюкзаки и в последний раз смотрим на восьмой шлюз. Один вход его, тот, что в сторону озера, перегорожен плотиной из толстых, плотно подогнанных бревен. Эта плотина и поддерживает относительно высокий уровень воды в прокопе. При надобности плотину разбирают, и волна катится по прокопу до самой реки.

Возможно, нам бы удалось уговорить хозяина открыть Казанцевский шлюз, но он на покосе, и нужно ждать до вечера, а солнце только поднималось к полудню. И мы пошли по-над берегом прокопа, отмеряя первые километры в Восточной Сибири.

Глава 4

Давайте вспомним родословную рек, по которым проходит наш маршрут.

Примерно в середине Обь-Енисейского междуречья лежит озеро-болото, или система болотных озер, которые по весне, в большую воду, сливаются.

Чаша Водораздельного озера как бы приподнята и имеет два ската: один — в сторону Западной Сибири, другой — в сторону Восточной. На одном скате начинается река Язевая, на другом — Малый Кас. Язевая впадает в Ломоватую, та в Деревянку, Деревянка — в Озерную, Озерная — в Кеть, а Кеть двумя рукавами встречается с Обью. Это Западная Сибирь.

В Восточной Сибири из озера начинается Малый Кас. Малый Кас впадает в Большой

Кас, а Большой Кас — в Енисей. И если плыть вниз по течению, то любая из этих систем приведет в Северный Ледовитый океан. Получается что-то вроде гигантского водного кольца с множеством ответвлений-притоков.

Если расчистить и углубить это водное кольцо, построить на нем шлюзы и плотины — чуть-чуть помочь природе,— получится великолепная голубая дорога, дешевая, мобильная и, учитывая скорость современных судов, достаточно быстрая!

Шаг... Выдираешь ноги и рюкзак... Еще шаг... Все сначала... Еще и еще... До изнеможения, до одури... Даже солнце не может пробиться сквозь прибрежные джунгли. Сырой и душный воздух липнет к лицу, тягуче лезет в сапоги и под брезентовые куртки, противно оседает в легких...

Чтобы не сбиться с пути, долго не решаемся отойти от берега. Наконец, когда становится совсем невмоготу, сворачиваем в тайгу вдоль вязкого русла высохшей речушки.

Поляна была большая, ровная и укрыта пышным травяным ковром.

— Смотрите, корова!

— Где?!

— Да вот, следы.

— Большие больно для коровы — лошадь, наверное.

— И для лошади крупноваты.

— Сохатый, братцы, ей-богу, сохатый. И лежка его.

— Здоровый, черт. Сколько травы примял.

— Совсем свежая лежка.

— Может, мы его и спугнули.

— Смотрите, стог!

— Точно стог. Прошлогодний: сено почернело.

— И другой рядом.

— Теперь близко.

Но мы еще долго шли по мягкой траве, и только Иннокентий видел сквозь траву. У него врожденные способности следопыта. Даже в непроходимых зарослях он умудрялся отыскивать тропу, по которой в последний раз проходили по крайней мере год назад. Вначале мы ему не верили, но когда он раз за разом все-таки находил тропу — мы признали за ним право ведущего и покорились.

Поляна сменилась хвойным перелеском, потом новыми зарослями, и мы, в очередной раз продравшись сквозь тесные переплетения стволов, остановились передохнуть. И...

Сквозь высокую траву прямо на нас шли косцы. Их было четверо. В пестрых широкополых шляпах они походили на жителей прерий.

Возглавлял строй крепкий мужчина с огненно-рыжей бородой. За ним — женщина и двое подростков. Увлеченные работой, они не заметили нас, и мы пошли навстречу.

— Бог на помощь!

Мужчина остановился, снял шляпу, с наслаждением отер потное лицо. Остальные тоже остановились.

— Издалека? — спросил мужчина.

Внимательно выслушал.

— Далеко забрались. Ну, давайте знакомиться. Федором меня зовут. По отчеству Селиверстович, а по фамилии — Кузнецов.

И, перехватив нашу улыбку, добродушно добавил:

— Небось слышали, что меня Медным кличут? Так это в шутку.

Он провел рукой по огненно-рыжим волосам и бороде.

— А это семейство мое. Жена — Машенька, Мария Родионовна.

Подтолкнул коренастых мальчишек:

— Сыновья. Помощники выросли. Старший — Прокопий, второй — Степан.

Поговорили о том о сем для знакомства.

Вся семья Кузнецовых в сборе.

— Ну отдыхайте. В чайнике холодный квас. А мы скоренько делянку закончим.

— А можно с вами попробовать? — вызвался Иннокентий.

— Давай, коли умеешь.

— Приходилось. Давно, правда.

Иннокентий с литовкой пристроился за младшим, но Степан повел так споро и ловко, что Кеша стал не на шутку отставать, а потом, пробормотав что-то об отсутствии тренировки, и вовсе ретировался.

Степан оглянулся, и, убедившись, что соперника сзади нет, улыбнулся, и в азарте стал нагонять старшего брата.

— Ну-ка, ну-ка, кто ловчее? — подзадоривал их отец. — Береги-ка, Прокопий, пятки.

— Так он у́же берет, — обиделся Прокопий.

— Он и поменьше. Сегодня, однако, первое место за Степаном.

Прокопий нахмурился и изо всех сил заработал литовкой.

Солнце опустилось совсем низко, когда Федор Селиверстович окинул взглядом выкошенную поляну.

— Хватит на сегодня. Роса скоро выпадет. Прокопий, готовь лодку. Степа, собирай вещи.

Ребята собрали нехитрый инвентарь, прихватили пузатый чайник, опустошенный нами, и утащили все под берег. Через несколько минут там затарахтел мотор.

— Теперь у нас два моториста, — застенчиво и гордо улыбнулась Мария Родионовна.

— Раньше-то Федя все сам да сам.

— Ладно, Машенька, после разговоры говорить будем, поздно уже.

Кивнул нам:

— Грузите свои мешки.

— Тяжелые они.

— Грузите, чего там. Тут недалеко. Только быстрее, а то вон дождь собирается.

И мы впервые поехали по Касу. Прокопий направлял перегруженную лодку сбивчивым фарватером от одного берега к другому. Торопился: серая пелена гналась по пятам, и лодка резала чуть рябоватую поверхность воды.

Туча нагнала у самой пристани и хлестанула острым душем. Мы влетели на береговой откос, увидели в глубине поляны дом с широким навесом, со всех ног понеслись к нему, и котелок за моей спиной забился радостной переливчатой трелью.

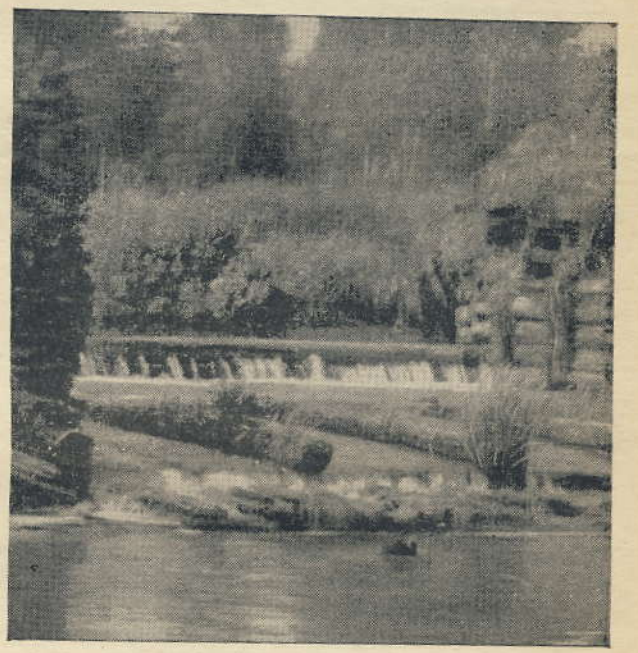
Уф — влетели под навес — откуда он взялся. Целый месяц не видели.

— Теперь начнется, — заметил Федор Селиверстович, — скоро Ильин день. Лето с

осенью всегда слезами встречаются. Того гляди зарядит, а сено не подобрано.

— Работнем денек? — предложил я.

— А я вам помогу до Безымянки добраться. Идет?

Живут Кузнецовы у шлюза «Марьина грива».

— Мы уж плот хотели строить.

— И-и-и, плот на Касе — пустое дело. Вода малая, дно каменистое. Сейчас и на лодке от камня не всякий раз увернешься, и через шлюзы на плотах не пройти.

...Мы спали в палатке, раскинутой под навесом. Обычно в ней спят ребятишки, но на эту ночь они перебрались на сеновал. (Нас, курящих, Федор Селиверстович туда не пустил). Над палаткой шумела тайга, и река урчала на шлюзе. Это был девятый по счету

шлюз, и носил он название, по меньшей мере странное — «Марьина грива».

* * *

Утро было чудесное, и от воды поднимался пар, и вдоль берега стояли стога свежескошенного сена, и их терпкий аромат доносился до реки.

Как и все коренные сибиряки, Федор Селиверстович начинал дело неторопливо. Разложил вилы, выбрал самые ловкие, прикинул, откуда лучше начать.

— Значит так,— Валерий, Иннокентий и Машенька подгребать, а мы с Прокопием да Степаном — стог делать. Альберт — и тем и другим помогать.

— А вершить кто будет? — спросил Степан.

Федор Селиверстович прищурился:

— Вершить сегодня Прокопию, однако.

— Почему Прокопию,— обиделся Степан,— он уже семнадцать стогов свершил, а я только тринадцать.

— На то он и старший.

— А я что, хуже вершу? — обидчиво и задористо буркнул Степан.

— Ладно, по очереди, один стог — ты, один — он. Кто лучше управится, тому и заканчивать.

У Кузнецова — редкий талант: ловко и незаметно он умеет разжигать в мальчишках страсть к соревнованию. Помогают ли они матери по дому, чистят ли рыбу, или ухаживают за домашней скотиной — всегда — кто лучше, кто быстрее, кто проворнее. Вчера смастерил ребятам ходули — старинная забава сибирской детворы — две длинные палки и посредине ступеньки для ног. Забираешься метра на два от земли и идешь на тонких жердях. Прокопий быстро освоил, даже железную бочку к дому подкатил. А Степан — еле держится. Федор Селиверстович

раззадоривает, а сам Степану советы дает, как сподручнее ухватиться.

Эх, покос! Комар жрет, пот глаза заливает, а Федор Селиверстович такой темп задал, что перекурить некогда. Прокопий со Степаном хоть бы что — подхватят на вилу копешку, самих из-под нее не видно — и туда-сюда, туда-сюда, как челноки по поляне.

У нас работа нехитрая — скатывай граблями валок запашистого сена, а без сноровки — тяжко. Но поди остановись, когда такое соревнование разгорелось.

— Нажимай, ребята! — кричит Федор Селиверстович.— Должно, гроза идет!

Обед... Какой там обед. Похватали на ходу, и снова кто за вилы, кто за грабли. Кипит работа. Растут стога — один, другой, третий...

— Вон она! — кричит Федор Селиверстович и показывает на черную полосу у самого горизонта.— Нажимай-ай!

— Ве-се-лей!

Стог, еще стог... А полоска на небе превратилась в черную тучу... Ближе... Ближе...

— Э-ге-гей!

Первые порывы ветра ударили в копешки.

— Все за вилы!

И мы с Иннокентием хватаем вилы.

— Быстрей, быстрей!

Степан уже вскарабкался на стог, и мы кидаем ему под ноги пышные копешки, а он мнет их, прессует, и стог растет, округляется.

— Скорее, скорее!

Рванул ветер, чуть не сдул Степана со стога. Ударили первые капли.

— Руби ветки!

Мы кидаем на стог длинные березовые плети. Степан ловко хватает их, увязывает вершинки в узел.

— Готово!

И мы бежим к лодке, прихватив кто грабли, кто вилы, кто чайник с квасом.

— Мотор!

И вместе с ревом мотора на нас обрушивается тугая лавина. Скрипят деревья, бьется о воду тальник. Все грохочет и несется в бешеном водяном вихре.

Удар! Впереди ослепительной вспышкой разрывается молния. Удар! Теперь сзади.

— Раньше смерти не умрем!

— Поддай, Прокопий.

И снова от громовых раскатов звенит в ушах.

Наконец — пристань. Карабкаемся по осклизлому берегу. Падаем, снова карабкаемся и веселой гурьбой бежим к дому.

А дождь все поддает и поддает, и небо полосуют ослепительные трещины.

На крыльце встречает пятилетний Женька, третий сын Кузнецова. Пока старшие на покосе, он остается в доме за хозяина. И на его попечении две младшие сестренки.

— Обшушиться надо. Штепа, шнимай шапоги, раштопляй пешьку.

Деловито осведомился у Альберта:

— Рыбашить-то после дождя будем?

— Будем, Женька. А черви есть?

— Да жапаш тут немного. Жирные шерви, хорошие.

— Тогда рыба наша.

— Ш ведро, может, два, добудем.

В тот вечер они действительно «добыли» два ведра.

— Что делать-то с рыбой? Жалко, если пропадет, а на уху Женька еще днем наловил. Ладно, отвезем завтра в Безымянку гостинец.

* * *

В самый последний момент решили ехать на двух лодках. На первой сидели мы с Федором Селиверстовичем, на второй — Инно-

кентий с Альбертом под командой Прокопия.

Солнце едва показалось над горизонтом. Шлюз «Марьина грива» лежал в сумеречной тени, и с его подгнивших бревен сбегала пенистая струя.

Провожало нас все семейство Кузнецовых. Женька придирчиво осмотрел лодку и покровительственно заключил:

— Так пойдет.

Постоял немного. Ему, наверное, очень хотелось с нами, но Женька не из таких — раз не берут, значит, проситься бесполезно. Сказал только:

— Шшесливого пути!

...Я пишу эти строчки, а на столе передо мной лежит путевой дневник тех дней — уже знакомая вам записная книжка с желтыми обводами от сырости, с песком и хвойными иголками между страниц, с засушенными комарами. Листая ее, я снова ухожу в мир таежной реки, в прекрасный мир путешествий. А вот и страницы, написанные в то утро и в тот день, когда мы покинули гостеприимный дом Кузнецовых и отправились в путь по Малому Касу.

Запись первая.

«Воет «Стрела». Писать почти невозможно: все время хватаешься за шест — бесконечные мели и перекаты...

Березы и ивы низко склонились над водой и хлещут по лицу. Рыжая борода Ф. С. развевается по ветру — ни дать ни взять флибустьер из пиратского романа.

Великий мотор «Стрела»! Силенок мало, а шуму как от настоящего, но тянет по мелям и перекатам, только успевай помогать шестом».

Запись вторая.

«Опять остановка. Лезем в воду и стаскиваем лодку с мели. В который уж раз! А через несколько метров снова мель. И так без конца. Представляю, что бы мы делали на плоту, не зная фарватера, когда такие опытные капитаны, как Ф. С. и Прокопий, не могут беспрепятственно пробраться по речушке.

Ф. С. сказал: — Будем пробиваться до последней возможности, но, на всякий случай, готовьтесь оканчивать путь до Безымянки пешком.— И мы с надеждой и тайной мольбой смотрим на реку и вздрагиваем на каждой отмели: как бы она не стала последней.

Помнится, мы мечтали: только бы добраться до Малого Каса. Теперь цель и, судя по всему, тоже не из легких — добраться до Енисея».

Запись третья.

«До чего же гостеприимной кажется тайга, когда плывешь вдоль крутых берегов на надежной лодке, с надежными проводниками!

Полянка на берегу будто специально создана по эскизу доброго и талантливого художника для семейного пикника. Тенистая речка, мягкая трава... А по краям — сосновый бор.

Рядом — русло высохшего ручейка, и над ним плотным сводом сомкнулись густые заросли.

— Пристанем? — спрашивает Федор Селиверстович.

— Зачем?

— В прошлый раз проезжал — падалью несло.

Поднял со дна лодки ружье. Крикнул:

— Эй, Альберт, заряди-ка пулями оба ствола да держись поближе к берегу.

И повернулся ко мне.

— Пошли.

Входим под своды леса. Сырая духота. Огромные обглоданные и искореженные кости. И череп такой же огромный с ветвистыми рогами.

— Кажется, сохатый. Кто ж его так?

— Глянь на дерево — узнаешь.

Задираю голову.

— На ствол смотри.

Клочки бурой шерсти пристали к корью.

— Чесался от сытости.

— Медведь, что ли?

— Он самый. Сохатый реку переплывал, а он с обрывчика укараулил.

На крутой бережок ручейка вела вытоптанная когтистыми лапами тропа.

— А... того...

— Ушел, поди. Кости другое зверье очистило.

С опаской поднимаемся на обрыв.

— Точно. Здесь и таился.

Федор Селиверстович показывает вмятину в кустарнике.

А река журчит тихо и приветливо, будто и не было никаких трагедий на ее берегах».

Запись четвертая.

«По берегам, что ни откос,— следы медведя или сохатого. Иногда — следы оленя. Редко. Раза два всего и видели. Раньше полно в этих краях оленя водилось — и дикого, и домашнего.

Заяц выскочил. Замер с перепугу. И пулей в кусты. Заячьими следами все берега исписаны.

...Выдра. Только ее и видели.

— Много ее развелось. Всю ондатру повывела. Соболь начал белку выводить. Выбили соболя — белка опять пошла. А что с белки толку — рубль со шкурки. А соболь — месячная зарплата.

...И снова тихая речка и испещренные следами берега. Утка пыхает под носом лодки.

Ее тут великое множество, но Федор Селиверстович, хоть и охоч до всякой живности, ружья не поднял и нам не разрешил:

— Кабы с голоду помирали, а попусту истреблять не резон: с выводка корысти немного, что воробьи утята».

Последняя запись в блокноте — перед десятым шлюзом. Над ним домик. Шлюз плотиной перегорожен, а у самого края узкий лоток водоспуска, и река несется по нему, круто обрываясь водопадом.

Федор Селиверстович с Прокопием к берегу пристали, велели нам с рюкзаками обойти по суху: мало ли что, лодка перевернется — имущество утопим. Лучше с подстраховочкой.

А сами понеслись в стремнину. Федор Селиверстович благополучно прыгнул, только фонтан брызг выше лодки взвился. А Прокопий черпанул.

— Ух ты, думал на дно нырну!

— А зачем мотору обороты сбросил?

— Так несет, аж стены сливаются.

— То-то и есть, что сливаются. Такие порожки только с разгона брать. Прозевал — теперь вычерпывай.

И снова запели моторы и поплыли мимо крутые берега. И чем дальше, тем выше и выше. Вот уж и яры пошли, блестят на солнце — глазам больно.

И снова Федор Селиверстович направляет к берегу.

— Дальше пешком пойдете.

— Река вроде ничего?..

Улыбнулся:

— Я не о том. Скоро речка Безымянка начнется. Мелковата она для такого груза, и петля здоровая. Тайгой — рядом. Один со мной, двое — с Прокопием. Он дорогу знает. Кто останется-то?

— Я, наверное,— предложил Альберт.

Мы с Иннокентием не возражали и потянулись к рюкзакам.

— Оставьте их,— рассмеялся Федор Селиверстович.

Взобрались на высокий яр, и лодки снизу стали маленькими, как игрушечные кораблики.

— Пошли, что ли? — сказал Прокопий.

— Ты впереди, дорогу показывай.

— А чего ее показывать, вон тропа.

От яра и впрямь вела торная тропа. Идти по ней налегке — одно удовольствие. Можно собирать ягоду, а ее тут тьма-тьмущая.

Прокопий идет впереди наметанным шагом. Так ходят опытные таежники. Если поперек тропинки лежит бревно — рассчитают, чтобы одну ногу поставить у самого края препятствия, а другую за ним. Ни один таежник не станет скакать на бревно, если его можно перешагнуть: дыхание сбивается. Из поколения в поколение отрабатывалось искусство ходьбы. Коренные жители передали его русским поселенцам, а те — своим детям. Так и дошел до наших дней неторопливый, расчетливый таежный шаг.

Я спросил Прокопия:

— Сколько можно пройти в день?

— Кто знает,— не оборачиваясь, ответил он.— До школы, в Луговатовку, шестьдесят километров — за день со Степаном управляемся.

— Шестьдесят километров? — искренне удивился я.

— На охоте по нескольку дней из тайги не выходим, и все на ногах... Вот сверток на Луговатовку,— показал Прокопий на развилок, а прямо — к Безымянке. Отца, поди, на целый час обгоним.

Скоро вышли на пологий берег речушки, а на другом, обрывистом, раскинулось село.

Под обрывом, у речки, ребятишки с удочками.

— Э-ге-гей,— крикнул Прокопий,— плыви кто-нибудь сюда!

Шустрый востроглазенок лет семи забрался в обласок и, ловко работая веслом, мигом перебрался к нам.

— Высший класс,— восхищенно показал я Иннокентию на мальчишку.

— Это вы про обласок? — улыбнулся Прокопий.— У нас Женька на нем плавает. Са-

дитесь, по одному перевозить буду, а то искупаетесь на виду у всей деревни.

На обрывистом берегу стояли несколько мужчин с густыми нестрижеными бородами — потомки старообрядцев, основавших некогда Безымянку.

Подошли, поздоровались. Нам ответили искренне и сердечно, пригласили в дом.

Большое летнее помещение — хоть бега устраивай. На стропилах — хомуты, шлеи, косы, грабли — полный набор крестьянского инвентаря. Все развешено аккуратно, и земляной трамбованный пол выметен до блеска.

Пока мы с любопытством рассматривали просторную пристройку, из зимнего помещения вышел хозяин. Представился чинно:

— Коробейников, Марк Илларионович.

Уже знакомые с местными обычаями, мы предъявили документы.

Потом, не зная с чего начать, вяло рассуждали о погоде, о видах на урожай грибов и ягод. Марк Илларионович слушал, уточняя ягодные места, поправлял. Места окрестные он знал как свою собственную квартиру.

Наконец, исчерпав весь арсенал общих фраз, я решил сесть на своего любимого конька и спросил о заготовке грибов и ягод, а Кеша — про новые закупочные цены на пушнину. И попали в самую точку: Михаил Илларионович Коробейников оказался местным заготовителем.

Уходили и приходили сельчане. Присаживались. Прислушивались. Иногда вставляли две-три фразы.

— Так что же вы заготавливаете?

— Все. Ягода начинается — ягоду, грибы пойдут — грибы, зимой зверя, птицу...

— А какую ягоду?

— Какой пора настанет.

— Но ведь черника и морошка не промысловые?

— Кто это вам сказал? Наши женщины рублей по двести в месяц на них зарабатывают...

— Как же вы ее храните? Она нежная — день-два и выбрасывай.

— Зачем выбрасывать, варенье варим. Нам сахар для варенья специально завозят по сниженным ценам. Когда ягоды немного — жена справляется, а если урожай богатый — других женщин на помощь зовем.

— Значит, из всех ягод вы варенье варите?

— Зачем из всех. Какая для чего идет. Черника, например, или морошка — только на варенье, бруснику заливаем сиропом. А клюкву — у нас ее пропасть по болотам — морозим.

— А грибы?

— Эти тоже с толком. Одни для соленья, другие — для сушки. Работы всем хватает. Иная жена больше мужа денег в дом приносит. С охотой у нас в округе не густо: больше на Енисей ездят.

— Как же вы все вывозите? Вертолетом?

— Зачем вертолетом,— рассмеялся Марк Илларионович,— вертолет денег стоит — никакие соленья-варенья не оправдают. С Енисея по весне баржи приходят. Нам продукты привозят, товары, от нас — ягоды да грибы. Два рейса, а иной год и три успевают сделать...

Да, чуть про орехи не забыл. Самый верный заработок. Кто расторопнее — в урожайный год при крупных деньгах.

Мы вышли на улицу. Дома — хоромы: один одного лучше: на крышу посмотреть — голову задирай, в ширину — хоть на мотоцикле.

— Леса кругом полно,— заметил провожатый.— Каждый и строится во что горазд.

Федор Селиверстович и Альберт уже поджидали нас. С ними сидел хозяин, как все жители поселка, голубоглазый и русоборо-

дый. Приветливо протянул шершавую ладонь, пожал, даже кости хрустнули:

— Михаил Савельевич Шаламов. Проходите в дом, что на улице сидеть.

Пол в комнатах устлан мягкими узорчатыми ковриками.

Живут потомки старообрядцев по-прежнему чинно и чисто. А от старых обычаев сохранились только живописные бороды. Один человек на все село гладко выбрит — учитель местной школы. Он уже много лет учит ребятишек. Однажды уехал, и весь поселок горевал о нем, но не прошло и года — вернулся.

И еще, не в обиду будь сказано другим нашим селам, за все время мы не услышали в Безымянке ни одного бранного слова, хотя попали в самый разгар традиционного праздника — прощания с летом. В каждом доме — застолье, и, прими мы все приглашения, назад к Шаламовым вернуться не хватило бы сил.

За стол садятся чинно, без шума и суетолоки, и все гости едят из одной чашки — хозяйка только успевает подливать. Когда гостей много, хозяйка ставит вторую, третью чашки, чтоб всем легко дотянуться. Входили новые и новые гости, здоровались, садились за стол. Я специально наблюдал за ними — никто ни разу не перекрестился на икону.

Вышли на улицу. Сели на крыльце, любуясь закатом. Курили, и дымок сизыми струйками поднимался к небу.

Курение у старообрядцев считалось одним из самых тяжелых грехов. Именно в курении, в бритых подбородках да в учении видели они происки латинян.

Что ж, первую заповедь неплохо бы сохранить и до наших дней. А со второй... ну, здесь мода, а над ней ни одна религия не властна. С третьей заповедью... Школа в поселке существует с первых лет советской власти, и многие ее выпускники окончили институты и техникумы.

Когда мы уже выкуривали по второй самокрутке, когда переговорили и о жизни в городах, и о последних событиях (а события в стране и за рубежом здесь ловят особенно чутко), зашла речь и о нашем путешествии. Долго судили и спорили, долго прикидывали и так и сяк, пока кого-то не осенило:

— Так ведь Игнат собирался в Ярцево.

И все пошли к Игнату.

Игнат сидел за столом в окружении своего многочисленного семейства и решал сложную проблему — старший сын засобирался в город. Не хочется отпускать парня, и отец строжится:

— Так и знай, помогать не буду. Вон их сколько,— выразительно обвел восседающее вокруг стола семейство,— и всех кормить, поить, одевать надо.

— Буду работать и учиться в вечерней,— упорно цедил сквозь зубы сын.

— В городе — специальность нужна. Это тебе не с ружьем по тайге ходить.

— И с ружьем не умел ходить — научился. В городе тоже специальности научат.

— Так ладно будет,— начал сдавать позиции отец.— Смотри с кем попало не свяжись. Зимой, охота кончится — приеду, посмотрю, как устроился.

— Ладно, будет, приезжай. Вон гости к тебе.

Хозяин обернулся.

— А коль гости, прошу к столу.

— Мы по делу, Игнат Петрович.

— Дело и за столом решить можно, так сподручнее будет.

— Они с тобой на Енисей проситься пришли.

— Скоро ехать-то надо?

— Чем скорее, тем лучше...

— Завтра ладно будет?

— Да мы, Игнат Петрович, и подождать можем.

— Зачем ждать, раз скоро нужно. В баню-то давно были? Поди, попариться не откажетесь?

— Неудобно, право...

— Утром в баню, потом поедем. Так ладно будет.

...Ранним утром кто-то тормошит меня за ногу. Открыл глаза — Игнат Петрович.

Мы ушли от Зибзеевых под утро, и спал я, судя по жидкому рассвету за окном, не больше трех часов. Выходит, Игнат Петрович совсем не ложился, а впереди — дальняя дорога.

— Буди ребят. Баня простынет.

Я вскочил.

— Подъем, братия!

Минут через пятнадцать от нас клубами поднимался сухой, ядреный пар, и в этом густом пару растворялись и усталость, и тяжесть от вчерашнего гостеприимства сельчан.

А потом все село вышло провожать на берег, и кто-то уже заботливо уложил в лодки наши рюкзаки.

Мы фотографировались и обменивались адресами. Прощание явно затягивалось. Игнат Петрович решительно шагнул к двум стоящим у причального мостика расшивам, скрепленным прочным стальным канатом, и завел мотор. Он властно взревел, и мы поняли, что пора садиться в лодку.

— Вперед, и только вперед! — радостно крикнул Альберт.

Резкий толчок кинул его на дно.

Игнат Петрович крикнул сыну: «Иван, держи руль!». И дал мотору полный газ.

Я давно заметил одну закономерность бескорыстия — чаще всего она свойственна людям многодетным. А в этих краях и семья не семья, если нет пяти-шести ребятишек.

И каких ребятишек! Все один к одному крепыши, только вот ростом никто не выдается.

— Рост-то от легкости жизненной,— философски заметил Федор Селиверстович,— а у наших ребятишек какая легкость: с малых лет к крестьянскому труду приспособлены, вот и раздаются в плечах, а вверх не тянутся.

Не знаю, хорошо это или плохо с точки зрения педагогики, но, по-моему, городским ребятам не хватает именно этой закалки. Слишком легкой и беззаботной жизнью окружают их с раннего детства. Может, потому и поднялся средний рост городских ребят, и тянутся они вверх оранжерейными растениями.

Я долго всматривался в Ивана. Он влито сидел на корме, ловко орудуя веслом. Один из нас попробовал заменить его на руле, и лодка тотчас же села на мель. Иван покровительственно улыбнулся и больше не отдавал кормового весла. И потом мы много раз убеждались, что ему нипочем любые невзгоды.

И еще я вспомнил, с какой грустью провожали Ивана его сверстники и старшие. Говорили, что без него совсем пусто станет в поселке.

— Почему? — удивился я.

— Как же, первый музыкант.

Играл Иван действительно здорово. Брал то мандолину, то гитару, то баян, то обыкновенную гармонику, и каждый инструмент в его руках то пел протяжно, задушевно, то раскатывался заливистым весельем...

— И все сам,— гордо похвалялся нам старший Зибзеев,— не заметили, когда и выучился.

Теперь он тоже становился горожанином, таким же, как и наши длинные парни, только застенчивости, природного добродушия и доверчивой любви к людям, да крестьянской практичности у него побольше...

* * *

Изогнувшись, Безымянка с ходу ударилась в Малый Кас, и лодки закачались на крутых волнах.

Игнат Петрович стоял на руле, выпрямившись во весь рост, зажав под рукой длинную рулевую палку — привод. Было жарко. Он разделся до пояса, и комары отскакивали от него на полном ходу лодки, и казалось, что им не за что зацепиться на обтянутом гладкой кожей могучем торсе.

Снова Малый Кас. Снова мы летим на полной скорости к Енисею, и волны от первой лодки упруго бьются в нашу, привязанную стальным тросом.

На первой лодке — Игнат Петрович, на второй уместились мы со всем снаряжением, продавец безымянского магазина, путешествующая в Ярцево по неотложным делам, и на корме — Иван, тоже с изрядным количеством пожитков.

А лодка у Зибзеева особенная. Игнат Петрович сработал ее по специальному заказу енисейского знакомого — целый речной корабль, но с такой мизерной осадкой, что мы легко проскакивали даже там, где до дна можно дотянуться рукой.

Перед отъездом из Безымянки Игнат Петрович набил полные карманы гвоздей.

— Уж не плот ли сколачивать будем?

— Бензин да гвозди на малых реках первое дело.

И чем дальше продвигались мы по Малому Касу, тем понятнее становился мне плотницкий запас Зибзеева. Хоть винт и предохраняла лыжа, мотор то и дело переходил на дискант: «летела» шпонка, и Игнат Петрович доставал из кармана очередной гвоздь и вставлял его вместо шпонки, и мотор снова пел нормальным голосом. А лыжа...

О, это мудрое изобретение. На дно ниже винта набивается стальная пластинка, и ког-

Когда мы уже выкуривали по второй самокрутке, когда переговорили и о жизни в городах, и о последних событиях (а события в стране и за рубежом здесь ловят особенно чутко), зашла речь и о нашем путешествии. Долго судили и спорили, долго прикидывали и так и сяк, пока кого-то не осенило:

— Так ведь Игнат собирался в Ярцево.

И все пошли к Игнату.

Игнат сидел за столом в окружении своего многочисленного семейства и решал сложную проблему — старший сын засобирался в город. Не хочется отпускать парня, и отец строжится:

— Так и знай, помогать не буду. Вон их сколько,— выразительно обвел восседающее вокруг стола семейство,— и всех кормить, поить, одевать надо.

— Буду работать и учиться в вечерней,— упорно цедил сквозь зубы сын.

— В городе — специальность нужна. Это тебе не с ружьем по тайге ходить.

— И с ружьем не умел ходить — научился. В городе тоже специальности научат.

— Так ладно будет,— начал сдавать позиции отец.— Смотри с кем попало не свяжись. Зимой, охота кончится — приеду, посмотрю, как устроился.

— Ладно, будет, приезжай. Вон гости к тебе.

Хозяин обернулся.

— А коль гости, прошу к столу.

— Мы по делу, Игнат Петрович.

— Дело и за столом решить можно, так сподручнее будет.

— Они с тобой на Енисей проситься пришли.

— Скоро ехать-то надо?

— Чем скорее, тем лучше...

— Завтра ладно будет?

— Да мы, Игнат Петрович, и подождать можем.

— Зачем ждать, раз скоро нужно. В баню-то давно были? Поди, попариться не откажетесь?

— Неудобно, право...

— Утром в баню, потом поедем. Так ладно будет.

...Ранним утром кто-то тормошит меня за ногу. Открыл глаза — Игнат Петрович.

Мы ушли от Зибзеевых под утро, и спал я, судя по жидкому рассвету за окном, не больше трех часов. Выходит, Игнат Петрович совсем не ложился, а впереди — дальняя дорога.

— Буди ребят. Баня простынет.

Я вскочил.

— Подъем, братия!

Минут через пятнадцать от нас клубами поднимался сухой, ядреный пар, и в этом густом пару растворялись и усталость, и тяжесть от вчерашнего гостеприимства сельчан.

А потом все село вышло провожать на берег, и кто-то уже заботливо уложил в лодки наши рюкзаки.

Мы фотографировались и обменивались адресами. Прощание явно затягивалось. Игнат Петрович решительно шагнул к двум стоящим у причального мостика расшивам, скрепленным прочным стальным канатом, и завел мотор. Он властно взревел, и мы поняли, что пора садиться в лодку.

— Вперед, и только вперед! — радостно крикнул Альберт.

Резкий толчок кинул его на дно.

Игнат Петрович крикнул сыну: «Иван, держи руль!». И дал мотору полный газ.

Я давно заметил одну закономерность бескорыстия — чаще всего она свойственна людям многодетным. А в этих краях и семья не семья, если нет пяти-шести ребятишек.

И каких ребятишек! Все один к одному крепыши, только вот ростом никто не выдается.

— Рост-то от легкости жизненной,— философски заметил Федор Селиверстович,— а у наших ребятишек какая легкость: с малых лет к крестьянскому труду приспособлены, вот и раздаются в плечах, а вверх не тянутся.

Не знаю, хорошо это или плохо с точки зрения педагогики, но, по-моему, городским ребятам не хватает именно этой закалки. Слишком легкой и беззаботной жизнью окружают их с раннего детства. Может, потому и поднялся средний рост городских ребят, и тянутся они вверх оранжерейными растениями.

Я долго всматривался в Ивана. Он влито сидел на корме, ловко орудуя веслом. Один из нас попробовал заменить его на руле, и лодка тотчас же села на мель. Иван покровительственно улыбнулся и больше не отдавал кормового весла. И потом мы много раз убеждались, что ему нипочем любые невзгоды.

И еще я вспомнил, с какой грустью провожали Ивана его сверстники и старшие. Говорили, что без него совсем пусто станет в поселке.

— Почему? — удивился я.

— Как же, первый музыкант.

Играл Иван действительно здорово. Брал то мандолину, то гитару, то баян, то обыкновенную гармонику, и каждый инструмент в его руках то пел протяжно, задушевно, то раскатывался заливистым весельем...

— И все сам,— гордо похвалялся нам старший Зибзеев,— не заметили, когда и выучился.

Теперь он тоже становился горожанином, таким же, как и наши длинные парни, только застенчивости, природного добродушия и доверчивой любви к людям, да крестьянской практичности у него побольше...

* * *

Изогнувшись, Безымянка с ходу ударилась в Малый Кас, и лодки закачались на крутых волнах.

Игнат Петрович стоял на руле, выпрямившись во весь рост, зажав под рукой длинную рулевую палку — привод. Было жарко. Он разделся до пояса, и комары отскакивали от него на полном ходу лодки, и казалось, что им не за что зацепиться на обтянутом гладкой кожей могучем торсе.

Снова Малый Кас. Снова мы летим на полной скорости к Енисею, и волны от первой лодки упруго бьются в нашу, привязанную стальным тросом.

На первой лодке — Игнат Петрович, на второй уместились мы со всем снаряжением, продавец безымянского магазина, путешествующая в Ярцево по неотложным делам, и на корме — Иван, тоже с изрядным количеством пожитков.

А лодка у Зибзеева особенная. Игнат Петрович сработал ее по специальному заказу енисейского знакомого — целый речной корабль, но с такой мизерной осадкой, что мы легко проскакивали даже там, где до дна можно дотянуться рукой.

Перед отъездом из Безымянки Игнат Петрович набил полные карманы гвоздей.

— Уж не плот ли сколачивать будем?

— Бензин да гвозди на малых реках первое дело.

И чем дальше продвигались мы по Малому Касу, тем понятнее становился мне плотницкий запас Зибзеева. Хоть винт и предохраняла лыжа, мотор то и дело переходил на дискант: «летела» шпонка, и Игнат Петрович доставал из кармана очередной гвоздь и вставлял его вместо шпонки, и мотор снова пел нормальным голосом. А лыжа...

О, это мудрое изобретение. На дно ниже винта набивается стальная пластинка, и ког-

да лодка со всего хода влетает на камень или корягу — лыжа скользит по препятствию, предохраняя винт от столкновения.

А препятствия на этой стороне Обь-Енисейского междуречья посущественнее. Если на Озерной, Ломоватой и Язевой винты моторов имели дело с корягами и болотными зарослями, то чем ближе к Енисею, тем дно Каса становилось все каменистее. Сначала мелкие камни, потом покрупнее, а на Большом Касе валуны разбивали тугое течение гладкими серыми лбами.

Я снова открываю путевой дневник. Ближе к устью Малого Каса и особенно на Большом Касе впечатления заметно меняются.

«Высокие крутые берега подмывает вода, и они обваливаются, увлекая с собой деревья. Все глубже и глубже вгрызается река в тайгу, и крутые склоны яров усеяны погибшими деревьями, а на берегах целые горы искореженных стволов.

А реке мало. В своей неустанной работе она обрекает на смерть новые гектары тайги, и сама задыхается от обилия добычи: мелеет, топорщится заломами и заторами. Вот где нужен человек — хозяин природы!»

«Река нехотя несет свои прозрачные воды меж крутых берегов. Белоснежные яры взмывают высоко в небо, и оттуда с вышины круто нависают над обрывом кедры, пихты, сосны.

Посреди реки — острова-клумбы. Широкие у основания, они плавно переходят в усеченный конус, сплошь заросший сочной травой. Как умудряется выжить трава в бурное половодье? А может, именно половодье засевает острова?»

* * *

Первый день пути от Безымянки. Высокие берега сменялись плоской пронзительной зеленью заливных лугов. Редкое жилье по берегам с обязательными остановками и обильным угощением... Яркое, заливающее все вокруг ослепительным светом, солнце...

Однажды Игнат Петрович подогнал лодки к пустынному берегу:

— Дед живет недалеко. Туески делает.

У старинного дома заготовки одна интереснее другой: ковши, расписные чашки и туеса всех сортов и размеров — и все из березовой коры.

— И-и-и, ребятки, продать можно, отчего не продать, да нечего.

— Как нечего? — удивились мы.— Тут же настоящая выставка.

— Может, и выставка, да все заготовки.

Потом посмотрел на наши разочарованные лица и сжалился:

— Пойду в избу посмотрю.

И вынес три туеска.

— Вот, ребятки, на память вам. Попадет от старухи: туески-то я из ее хозяйства позаимствовал.

— Большой спрос на товар?

— Большой, сынки, большой. Помощника бы надо. В старых руках какая ловкость. А все просят — сделай, дедушка. И свои просят, а пуще — проезжие. Который годок к делу этому приловчился. На канале, почитай, в каждом доме моя работка имеется. Жалко такое ремесло с собой уносить. Кабы мальчишка какой смышленый попал, я б его выучил. Доходное ремесло, и людям радость...

Редко по Касу человека встретишь, а жилье и того реже — домик, два, и снова на десятки километров ни души. Пусто и глухо на реке.

Только к вечеру добрались до большого — десятка два дворов — поселка Александровское. Как раз у последнего, четырнадцатого шлюза.

Определились на ночевку в красном уголке. Иван гармонику раздобыл. Народу — полон дом. Танцы. На кругу несколько пар кто во что, по стенкам на тесовых скамейках — семейные, пожилые...

Пришел Игнат Петрович:

— Ну, Иван, заканчивай веселье, завтра чуть свет подниму.

Хватил стакан водки, сочно закусил тугим огурцом:

— В лодку ночевать пойду, вы тут располагайтесь.

Всю ночь шел дождь. Он зябко стучал в запыленные окошки, скреб по крыше, хлюпал на улице. К утру поднялся ветер. Захолодил, со злостью расшвыривая по сторонам охапки дождя, обессилев, затихал и снова крутил, перемешивая и землю, и небо, и поселок.

А чуть свет Игнат Петрович уже теребит:

— Быстрей, быстрей, сегодня надо до Нового поселка добраться, не то придется в тайге ночевать в этакую лихомань.

И вот уже последний, четырнадцатый шлюз надвигается на нас сквозь плотную марлю дождя и блеклого рассвета...

Дождь хлещет по лицу, забирается под штормовку — у этой брезентовой робы только название надежное, а промокла в первый же день. И холод такой, что изо рта идет пар.

И только Игнат Петрович неприступно стоит во весь рост на передней лодке, приглядывается из-под руки да поминутно лазит в карман за очередным гвоздем для шпонки.

— Чертова речка,— ворчит Альберт посиневшими губами.

Наконец и Игнат Петрович не выдержал. Повернул к берегу.

— Костер разводить надо.

Иван вытащил топор, валко пошел в промокшую насквозь тайгу. Постучал по одной сушине, прислушался — не понравилась. По-

дошел к другой, к третьей. Нашел. Стесал мокрый слой. Блеснуло сухое светлое дерево. Построгал топориком и притащил целую охапку смолистой стружки. Запалил. Побежал робкий язычок, вот-вот зальет. Нет, окреп, затрещал радостно. Взвился огонь, только успевай подбрасывать. Пар от мокрых сучьев клубится.

Мы долго сидим вокруг костра и звучно тянем густой, заваренный на брусничных листьях чай.

...И снова окунаемся в речные и небесные хляби. Холод и сырость пронизывают до костей. Согреваемся толстыми самокрутками. Они громко трещат и разбрасывают вокруг искры, и искры тут же гаснут на мокрой одежде.

...Плывем час, другой, третий, четвертый. Берега совсем забрались к небу и продолжают расти с каждым километром. Каменистые прослойки в песчаных откосах, а то и невысокие скалы, и по всей реке валуны с круглыми и острыми лбами.

И ни одного жилья. Ни даже избушки, куда бы можно завернуть, обогреться. Густая мрачная тайга то надвигается и заходит в воду, то отскакивает, обнажая длинные языки песчаных кос.

* * *

...Снова надвигается тайга. Сколько ж ее здесь! Тысячи гектаров первоклассного леса! Но всего две недели в году сплавляют лес по Касу. Всего на две недели соединяются беспрепятственным водным путем Обь и Енисей. Слишком короткий срок. Что за него успеешь? Забросить продукты в отдаленные поселки, перегнать из одного бассейна в другой несколько рыбацких судов, провести несколько барж. Остальное время — редкие лодки с непрерывной угрозой потерять винт или угробить мотор... И четырнадцать шлю-

зов из помощников становятся препятствиями...

Что ж, так ничего и нельзя сделать?

В одной из своих работ ученый и путешественник, доктор биологических наук Георгий Васильевич Крылов пишет:

«...Идея сооружения по этой трассе большого судоходного канала комплексного значения возникла вновь. Его строительство позволило бы создать между Обью и Енисеем прямой водный путь протяжением 600 километров, который сократил бы провоз грузов из бассейна Ангары и Енисея на 1500—2000 километров. Кроме того, канал, имея отметку на 50—60 метров ниже окружающих водораздельных болот, мог бы стать коллектором для спуска излишних болотных вод и осушения участков».

И словно дополняя Г. В. Крылова, писатель-географ Юрий Константинович Ефремов в книге «Природа на службе общества» пишет:

«...Первоочередной задачей в преобразовании природы большей части Западно-Сибирской равнины следует считать... усиление и ускорение поверхностного стока, и интенсификацию водообмена между поверхностными и грунтовыми водами. Такое решение вопроса улучшит возможности использования самых разнообразных ресурсов Западной Сибири».

Как это сделать? Давайте еще раз вернемся к книге Г. В. Крылова «Страна несметных богатств».

«...Пополнение обской воды более насыщенной кислородом енисейской водой резко снизит или даже ликвидирует заморные явления». И конечно, осветлит и обогатит насыщенной кислородом водой и Водораздельное озеро, и притоки Кети, и саму Кеть.

Но как заставить Енисей отдать часть своей воды? Как направить эту воду в Кеть и Обь? И здесь Г. В. Крылов подсказывает ре-

альный выход. «На канале возможно стр
ительство двух-трех гидростанций, сопряж
ных с Осиновской ГЭС на Енисее».

Осиновская ГЭС пока в чертежах.

После долгих споров она «привязана» к
подалеку от устья Большого Каса. Плоти
ГЭС поднимет уровень Енисея, и часть во
может устремиться в русло Каса, разверн
его слабое течение на сто восемьдесят гра
сов. Сама природа пришла на помощь чел
веку (русло Енисея выше русла Оби), и ну
но помочь ей, и тогда енисейская, насыще
ная кислородом вода, потечет в Обь чер
Обь-Енисейский канал и не только осветл
воду всей системы, но при небольших гидр
технических работах вернет к жизни са
канал.

В выступлении Л. И. Брежнева «Пятьд
сят лет великих побед социализма» есть т
кие слова:

«Хозяйское, рачительное использован
естественных ресурсов, забота о земле, о л
се, о реках и чистом воздухе, о растительно
и животном мире — все это наше кровно
коммунистическое дело. Мы должны сохр
нить и украсить нашу землю для нынешни
и будущих поколений советских людей».

На заре нашего государства в годы разр
хи и голода Владимир Ильич Ленин подп
сал документы о создании первых советски
заповедников. В то время под угрозой полн
го уничтожения находился растительный
животный мир Центральной России.

А ведь район Обь-Енисейского канала м
жно сделать если не заповедным, то велик
лепным комплексным хозяйством. Под кон
роль должно быть взято все — от самой н
значительной, на первый взгляд, травинк
до самых крупных представителей животн
го и растительного мира. Именно здесь, вдо
Обь-Енисейского канала, можно создать с
вершенно новое хозяйство, которое будет д
вать максимальную прибыль и сохраня

все источники этой прибыли. Проектировать такое хозяйство уже начали.

И еще... Недавно в печати опубликованы данные Центрального научно-исследовательского института типового и экспериментального проектирования лечебно-курортных зданий по теме: «Социально-экономические обоснования развития различных видов оздоровительного отдыха и туризма в СССР. И на вопрос: «Где вы предпочитаете отдыхать?» — 35,1 процента населения страны ответило: в лесу, 29,4 — у реки, озера и всего 26,9 — у моря.

Данные того же опроса обнаружили, что 52 процента отдыхающих предпочитают провести свой отпуск в коттеджах и бунгало, а 23 процента — в палатках.

И, наконец, 95 процентов студентов и школьников, 75 процентов служащих, 73 — рабочих, 56 — домохозяек и 46 процентов пенсионеров предпочитают активный отдых: путешествия, походы, экскурсии.

Значит, идея организации на Обь-Енисейском канале туристского комплекса диктуется самой жизнью...

А лодки все пробивались сквозь завесу дождя, и с каждой минутой, с каждым новым километром все ближе и ближе Енисей.

И вот впереди показался дымок. Дождь на время утих, и из прохудившейся тучи блеснули последние лучи заходящего солнца, освещая тесовые крыши небольшого поселка.

Мы оставили лодки под скалой и, взвалив на плечи рюкзаки, пошли по круто взмывающей вверх улице.

Это и есть Новый поселок. Касовский лесопункт. Отсюда до Енисея рукой подать.

Может, и попали бы мы в тот вечер на Енисей, но Игнат Петрович решил навестить родственников, а Иван — попрощаться с ними перед поездкой в город.

...Что за прелесть бесхитростная сибирская гулянка!

Иван — на почетном месте. Развернул меха гармоники, и стены задрожали, пол ходуном заходил от крепкой, с перестуком плясски. А хозяева знай подливают в стаканы, да обносят холодным, прямо из ледника, квасом.

— Кушайте, гости дорогие, не побрезгуйте угощением.

И гости гурьбой валятся за стол, утираются длинным полотенцем.

— Уф, упарились. Дай кваску, хозяюшка, больно сытной.

А Иван знай выхватывает из гармоники снопы русского наигрыша, и он рассыпается дробным перестуком, перехлестом задиристых бабьих голосов:

Ох, речка течет
Мил по бережку идет,
А я рыбкой подскочу,
К себе в омут утащу...

Эх, топни нога,
Да притопни друга,
Я молоденька вдова,
Мужиков свожу с ума.

Меня маменька рожала,
Вся избеночка дрожала,
Батька бегает, орет:
Какого черта бог дает...

Тут же рой ребятишек. Вырвалась из круга молодуха, растолкала по кроватям малышню — где свой, где чужой, потом разберутся. И снова в круг:

— Веселись, бабоньки, не каждый день праздник.

И как пошла, как пошла... То плавно, с платочком, то рванется — аж каблуки трещат.

— Вот это гулянка, вот это проводили племянничка. Вспоминай родню, Ванечка.

— Родню забыть, что заживо умереть. Одному на свете страшно, Ванюша.

Третью ночь не спит Игнат Петрович и держится молодцом: «Чего там, в тайге привычно. За зверем по нескольку суток идешь, спать некогда».

Последний отрезок пути по Большому Касу. За ним— Енисей!

...И снова вперед по Большому Касу. Разливается Кас. Шире, шире. И по берегам топорщатся обсохшие плоты первоклассной деловой древесины. Теперь до будущей весны будут лежать под дождем и снегом.

...Повеселел Игнат Петрович — Енисей близко.

— Держись, сынок,— кричит Ивану — и выводит газ на полный.

Лодки подпрыгнули и понеслись, рассекая последние километры реки.

— О-го-го,— кричит Игнат Петрович и рукой показывает на затянутые дымкой вершины сопок,— вот он, Енисей-ей!

...И вдруг широкий разлив, и по нему мечутся крутые волны с белыми барашками на гребнях.

— Держись, Ванюша, началось.

Зибзеев выводит лодки на крутой вираж, и прямо по курсу вырастают мохнатые сопки.

— Е-ни-сей!

Резко и неожиданно обрывается равнина, а за ней река, широкая и полная, и там, за рекой, взмыли к небу сопки. Словно и впрямь природа разделила на две части Сибирь — болотистую Западную и гористую — Восточную.

С ходу врываемся в гущу бурунов, и нас окатывает свежая, чистая вода. Ветер свирепствует на Енисее, но теперь все позади.

— Вперед, Игнат Петрович!

И тут же в борт ударяет такая волна, что лодка перышком заходила.

— Эге, это не таежная река. С таким красавцем поосторожнее.

Зибзеев держит к берегу, примеривается, идет несколько километров сквозь буруны и вдруг резко берет руль на себя. Лодки выскакивают на середину реки, сшибаясь с волнами, несутся к правому берегу. А навстречу — белая сигара туристского теплохода. Начищенный и сияющий, он даже не удостаивает вниманием утлые суденышки. На палубах пусто, отдыхающие разошлись по теплым каютам: кому охота выходить под холодный, пронизывающий ветер.

— Чаи, должно, гоняют,— со вздохом замечает Альберт.

— Может, и коньяки. Им чего, у них отпуск.

И теплоход, гордый, блестящий и теплый, шелестит мимо.

Под правым скалистым берегом потише, и впереди приветливый дымок костра.

— Можно на огонек?

— Располагайтесь, чего там.

Неподалеку от костра пышут жаром печи, похожие на первобытные домны.

— Руду, что ли, плавите?

— Зачем руду, известь обжигаем. Кирками от скалы известняк отбиваем и в печь. Прокалится хорошенько и готово. В воду опусти — известка.

В последний раз кашеварим все вместе.

— Угощайтесь,— высокий парень кидает на самодельный столик несколько жирных стерлядок,— наши, енисейские.

Второй — худой и длинный с улыбчивым лицом:

— Тут у нас к стерлядке воришка пристрастился. С вечера нажарим полную сковородку, утром встаем — пусто. Грешили на пастухов. Однажды сижу в палатке, слышу, крадется. Я его оттуда по-русски, а сам выбираюсь, чтоб прихватить. Вылез, гляжу — медведь удирает. Эх, думаю, закон тебя охраняет, а то вкатил бы из обоих стволов, чтоб воровать отучился.

Мы выкладываем на стол все свои припасы, зовем ребят, разливаем уху.

— Так будут канал восстанавливать? — спрашивает высокий.

— Когда-нибудь будут.

— Скорее бы, глядишь, повеселей у нас на Касе жизнь пойдет.

Мы пьем душистый чай, а в двух шагах лижет скалистый берег седой Енисей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Часть первая

РЕКА

Глава 1 9
Глава 2 31
Глава 3 55

Часть вторая

КАНАЛ

Глава 1 81
Глава 2 112
Глава 3 142
Глава 4 163